

*НАУЧНЫЕ
ТРУДЫ
МОСКОВСКОГО
ГУМАНИТАРНОГО
УНИВЕРСИТЕТА*

№10/2013

Рецензируемый научный журнал
Издается с 2002 года

**Издательство Московского гуманитарного университета
2013**

Главный редактор

Алексеев Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Московского гуманитарного университета

Редакционная коллегия

Агранат Дмитрий Львович, доктор социологических наук, доцент, декан юридического факультета Московского гуманитарного университета

Булаков Олег Николаевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Московского гуманитарного университета

Буренко Владимир Иванович, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета

Винокуров Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, полковник юстиции, старший советник юстиции, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского гуманитарного университета

Инков Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Московского гуманитарного университета – *ответственный секретарь*

Костина Анна Владимировна, доктор философских наук, доктор культурологии, доцент, декан факультета философии, культуры и искусств, заведующая кафедрой философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета

Крылова Елена Борисовна, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой финансовых и экономических дисциплин Московского гуманитарного университета

Пеньковский Дмитрий Дмитриевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Московского гуманитарного университета

Романюк Лариса Валерьевна, доктор педагогических наук, профессор, начальник Управления аспирантуры, докторантуры и научной работы Московского гуманитарного университета

Селиверстова Нина Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, ученый секретарь Ученого совета, профессор кафедры социологии Московского гуманитарного университета

Сошникова Тамара Аркадьевна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского процесса и социальных отраслей

Царегородцев Юрий Николаевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента Московского гуманитарного университета

Свидетельство о регистрации Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия ПИ №ФС77-21885 от 14 сентября 2005 г.

Научные труды Московского гуманитарного университета. М.: Издательство Московского гуманитарного университета. №10/2013. – 68 с.

© Московский гуманитарный университет, 2013

© Авторы статей, 2013

Издательство Московского гуманитарного университета

111395, Москва, ул. Юности 5/1, к.6.

Контактная информация редакции журнала размещена на официальном сайте:
http://www.mosgu.ru/nauchnaya/nauch_trudy/

Подписано в печать 16.10.2013. Тир. 500 экз.

Редакционный совет журнала
«Научные труды Московского гуманитарного университета»

Ильинский Игорь Михайлович, доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета – *председатель*

Луков Валерий Андреевич, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, проректор по научной и издательской работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета – *заместитель председателя*

Алексеев Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Московского гуманитарного университета

Богданов Андрей Петрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН, член Союза писателей России

Журавлев Анатолий Лактионович, член-корреспондент РАН, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор, директор Института психологии РАН, заведующий кафедрой социальной и этнической психологии Московского гуманитарного университета

Ковалева Антонина Ивановна, доктор социологических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующая кафедрой социологии Московского гуманитарного университета

Королев Анатолий Акимович, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры истории Московского гуманитарного университета

Луков Владимир Андреевич, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, директор Центра теории и истории культуры Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета

Ситаров Вячеслав Алексеевич, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заведующий кафедрой педагогики и психологии высшей школы Московского гуманитарного университета

Экштут Семен Аркадьевич, доктор философских наук, заместитель главного редактора журнала «Родина», руководитель Центра истории искусств и культуры Института всеобщей истории РАН, заведующий кафедрой «Искусства и гуманитарные науки» Государственного академического университета гуманитарных наук

Юдин Борис Григорьевич, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, заведующий отделом комплексных проблем изучения человека Института философии РАН, директор Центра биоэтики Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета

Начало древнерусской словесности
Плотникова О.А.
The beginning of the ancient Russian literature
Plotnikova O.A.

Аннотация: Статья посвящена основным этапам развития древнерусской словесности, автором обозначены жанровые особенности русской словесности и пути ее дальнейшего развития.

Ключевые слова: переводная литература, оригинальная литература, книги Священного писания, мировоззренческая концепция, культура, государственность.

Abstract: The article is devoted to the main stages of development of ancient Russian literature, the author has marked the genre peculiarities of Russian literature and the ways of its further development.

Keywords: translated literature, original literature, books of the Holy Scripture, his vision, culture, statehood. translated literature, original literature, books of the Holy Scripture, his vision, culture, statehood.

Разговор о древнерусском литературном творчестве всегда труден, не однозначен и одновременно очень интересен. Это связано, в первую очередь, с тем, что прочтение древней книги невозможно без знания истории, литературы, палеографии, текстологии и ряда других дисциплин, которые позволяют читателю понять памятник в контексте его эпохи и исторической ситуации. Период истории, на протяжении которого формировалась русская словесность – с X по XII вв. окутан легендами и мифами. Именно в это время проходило становление и дальнейшее развитие русской цивилизации, русского государства и русского мирознания. Еще Д.С.Лихачев отмечал, что литература Древней Руси была в основном исторической и нравственно-учительной, а главное, всегда высокопатриотической.

Приняв христианство в 988 году Древняя Русь одновременно получила письменность и литературу. Это совершенно не означает, что до этого периода она была темной и не образованной. Давно доказано наличие в Древней Руси ранних алфавитов. Однако литературные памятники, возможно, написанные с использованием этих алфавитов, не сохранились, до нас дошли только памятники, написанные более поздними алфавитами – кириллицей и глаголицей (Леонтьева, Шорин, Кобрин, 1993: 24).

Процесс приобщения к христианской книжности Византии и Болгарии проявлялся в широком распространении на Руси переводных произведений, а также в значительном заимствовании отдельных фрагментов переводных сочи-

нений, в особенности богословского содержания, для написания оригинальных произведений.

Болгарские книги хорошо приживались на Руси. Во многом этому способствовала простота в прочтении. Являясь «иноязычными», они практически не требовали перевода из-за схожести языка, в частности, как морфологии, так и лексики. В большом количестве осуществлялись переводы с греческого, многие греческие сочинения в дальнейшем использовались в качестве образцов для создания оригинальных русских произведений. (см.: Мещерский, 1958; Мещерский, 1964: 198-206).

В первую очередь, заимствованию подлежала система образов и целые сюжетные линии Священного Писания, благодаря которым проводились параллели с настоящими событиями и лицами. Подобные параллели позволяли трактовать определенным образом как события в настоящем, так и характеризовать отдельных лиц, с определенных идеологических позиций. Чаще всего это касалось правящей верхушки, а именно князей. Большое внимание древнерусские писатели уделяли стилистике и жанровой композиции текста.

Работа с иностранными произведениями велась очень добросовестно. Так, произведения не просто переводились и переписывались, они тщательно компилировались, во многих случаях снабжались пространными комментариями, в результате чего менялся и сам сюжет. Таким образом, на основе переводной литературы создавались оригинальные русские произведения различных жанров. Особенно это касалось произведений светского повествования и исторических произведений. Библейские книги также переписывались в большом количестве, но требования к содержанию здесь уже предъявлялись более строгие, в связи с чем текст содержательно изменялся мало.

«Русь в короткий срок получила литературу с разветвленной системой жанров, литературу, представленную многими десятками, а то и сотнями памятников. Уже через несколько десятилетий после начала этого процесса на Руси по образцу переводных памятников стали создаваться свои, оригинальные произведения — жития, торжественные и учительные слова, повести и т. д.» (Лихачев, 1973:15-23).

Огромное значение для древнерусского человека играл фольклор, бытовавший в устной форме и представленный легендами, песнями, сказками, богатырским эпосом. Фольклор живо отражал русское мировоззрение и восходил к дописьменной традиции. Сегодня мы можем реконструировать фольклор по поздним дошедшим до нас образцам, свидетельства о нем находим также в летописях, житиях святых и поучениях.

Молодое христианское государство нуждалось в книгах разного рода, но, в первую очередь, в книгах объясняющих Божье устройство мира и Божий промысел и одновременно, благодаря ветхозаветным и новозаветным параллелям, утверждающим новую власть приглашенных князей. Переводная литература стала органической частью древнерусской литературы. При этом на ранних этапах своего развития древнерусская литература еще не допускала вымысла, и

авторы писали только о том, что было в действительности или о том, что могло быть в действительности. Единственным исключением являлись притчи (жанр аполога) – рассказ-миниатюра в котором иллюстрировалась какая-либо идея. Древнерусские писатели для написания своих произведений часто заимствовали определенные клише, взятые из византийских или болгарских сочинений, что являлось обязательным правилом при написании книги, эти клише являлись частью жанровой специфики того или иного сочинения.

Как уже указывалось, период истории, на протяжении которого складывалась русская книга во всем своем жанровом многообразии, связан с двумя эпохальными событиями, предопределившими ее дальнейшую судьбу – это образование древнерусского государства и крещение Руси. При этом необходимо учитывать, что объединение славянских земель в единое государство осуществлялось не за счет внутренней политики местных князей, а *благодаря* усилиям князьям призванным, в лице князя Рюрика и его потомков.

Новая власть и религия нуждались в укреплении своих позиций как внутри страны, так и на международном уровне. Если для развития внешней политики и расширения международных связей важна была искусная дипломатия и хорошее ее подкрепление со стороны военной силы, то устройство внутреннего миропорядка, основанного на новой вере, и власти иноземных князей требовало серьезной «просветительской работы в массах». Это и было осуществлено благодаря усердной работе книжников по переводу и написанию книг, в основном богословского содержания, которые объясняли мировой правопорядок как волю Божию и одновременно, посредством ветхозаветных и новозаветных аллегорий доказывали основания властвования династии Рюриковичей. Эти первые книги стали основой государственности и началом Земли Русской.

Жанровые особенности древнерусской литературы были продиктованы развитием самого древнерусского общества и государства. На первых порах, по определению Д. С. Лихачева, это была литература «одной темы и одного сюжета. Этот сюжет – мировая история, и эта тема – смысл человеческой жизни» (Лихачев, 1971: 56). И действительно, этой теме и этому сюжету были посвящены все жанры древнерусской литературы, особенно если говорить о литературе раннего Средневековья.

Очевидно, что исследованию древнерусской литературы должно предшествовать исследование переводной литературы, так как созданию оригинальных произведений на русской почве предшествовала огромная работа по переводу болгарских и греческих произведений словесности.

Исследование переводной литературы, в свою очередь, необходимо начинать с исследования богослужебных книг в связи с тем, что именно в них заложены идеологемы и мировоззренческие концепции, которые затем были восприняты в качестве клише в последующих произведениях.

Необходимо отметить, что от ранних периодов русской истории непосредственно сохранились именно литургические памятники, которые для XI–XII вв. составляют 90% всех дошедших до нашего времени рукописей, а для

XIII-XIV вв. — не менее трех четвертых и даже для XV в. более половины всех имеющихся в распоряжении историков подлинных текстов. Литургические памятники давно являясь предметом изучения лингвистов, исследователей истории церковного устава, археографов, книговедов, фактически никогда не исследовались как ценнейший, а для ряда проблем и незаменимый источник по исследованию политической истории Древней Руси. Исследование богослужебных книг позволяет переосмыслить историю Древней Руси через систему взглядов того времени. Средневековый автор в подготовке оригинальных сочинений обязательно обращался к переводной литературе, выдерживал соответствующий стиль, заимствовал определенные клише или сюжетные линии, использовал словарь и даже обороты речи.

Все богослужебные книги имели определенную иерархию, которая довольно четко представлена в предисловии митрополита Макария к Великим Минеям Четиим. Так на этой иерархической лестнице на первых ступенях расположены такие книги как, Евангелие, Апостол и Псалтирь. Следующую ступень занимали сочинения отцов церкви – сочинения Василия Великого, слова Григория Богослова с толкованиями митрополита Никиты Ираклийского, «Пандекты» и «Тактикон» Никона Черногорца, сборники сочинений Иоанна Златоуста «Златоструй», «Маргарит», «Златоуст».

Далее следовала ораторская проза: слова пророческие, слова апостольские, слова святоотеческие, слова праздничные, слова похвальные. Последнее место в этой иерархии занимала агиографическая литература – жития мученические, жития русских святых, жития преподобнических, патерики – азбучный, иерусалимский, египетский, синайский, скитский, киево-печерский.

Из библейских книг наибольшей известностью в Древней Руси пользовалась, конечно, Псалтирь, а также книги пророков Исая, Иеремии и Иезекииля (Развитие, 1973: 15-23).

Большое значение для русских книжников имели такие книги, как «Притчи Соломоновы», «Премудрости Соломона» и «Премудрости Иисуса, сына Сирахова», из которых, как установлено, черпались многочисленные параллели для укрепления княжеской власти на Руси.

Нельзя оставить без внимания и агиографическую литературу к которой могут быть отнесены Прологи и Патерики, относящиеся к отделу житий святых и к славяно-русской агиографии. Прологи, по сути своей – сборники сокращенных житий святых, известные в византийской литературе Прологи назывались Синаксарями. Однако русский Пролог отличал поучительно-назидательный элемент, который совсем не прослеживается в Синаксарях.

Наибольшей популярностью в Древней Руси пользовалась литература, которая позволяла читателю познакомиться с книгами Священного писания в извлечениях. Такими собраниями извлечений из библейских книг и церковных чтений были Паремейники, которые применялись, как правило, на богослужениях.

Еще одним уникальным сборником древнерусской словесности является Палея Толковая (Палея, П.Т.), известная как «первая русская энциклопедия», «русская библия», «священная история мира». Но ни одно из приведенных названий не отражает истинного содержания этой жемчужины русской мысли. Открытый полемический характер, самобытная сугубо русская мировоззренческая концепция и сложная философия на долгие годы сделали эту жемчужину русской словесности изгоем в мире культуры.

В Палею вошли такие уникальные богословские сочинения, как апокрифы, которые также широко используются в диссертации. «Апокриф», что происходит от греческого слова «скрывать», обозначает тайную книгу. Его первоначальное значение, по мнению Н. Протопопова, сводилось к понятию сокровенной книги, доступной только жрецам (Протопопов, 1902: 20-22).

В дальнейшем апокрифами стали называться сочинения неясного происхождения и сомнительной достоверности, заключающие в себе рассказы преимущественно о библейских лицах и событиях. Апокрифы во многом объясняли неясные и разночтимые места в Св.Писании. Основным источником для апокрифов служили древнеиудейские и христианские предания.

Произведение начинается повествованием о сотворении мира и человека (Шестоднев), с пространными комментариями о солнце, луне и правилах летоисчисления, при этом рассказ сопровождается яркой обличительной полемикой с иудеями. «Превечный Бог, безначальный и бесконечный, будучи Богом сил, сначала сотворил огненных духов – своими ангелами и слугами.., кроме того, преблагой и милостивый Бог замыслил сотворить иной мир – земной... Бог отделил день для дел и трудов человека, а ночь – для покоя». Далее читаем рассказ о Сатане, являющейся здесь апокрифической вставкой. Данный текст, как некоторые другие, вошедшие в Палею Толковую, являлся запрещенным Церковью для прочтения христианами. При этом он вошел в состав книги: «Как прекрасна вселенная.., приду на землю и возьму ее.., буду как Бог и поставлю престол свой на облаках...- И сверг Господь его с небес за гордость помысла его». (Палея Толковая, 2002).

Палея содержит библейскую историю еврейского народа, сопровождаемую многочисленными пророчествами, а также повествует о жизни, смерти и воскрешении Иисуса. Под льдом богословских клише внимательному читателю раскрывается второй, философский план книги – здесь находим рассуждения о душе и теле, рассказы о вселенских светилах, экскурс о природе огня и атмосферы, описания реальных и фантастических существ – птицы алконоста, ехинии, феникса и многое, многое другое.

По своему объему Палея Толковая немногим уступает еще одному фундаментальному памятнику древнерусской словесности – Повести временных лет. Исследователи отмечают сходство Толковой Палеи и Повести временных лет. Так, события изложенные в ПВЛ во многом являются событиями взятыми из П.Т. и переложеными по усмотрению летописца. Вероятно, что летопись, так же как и П.Т. велась по строгим канонам и должна была представлять собой

8 частей изложения событий от Сотворения мира и до Страшного Суда (см.: Успенский, 1876; Шахматов, 1904).

Исторические события, описываемые в Палее, мыслятся автором как символы событий духовных, тайна которых до конца не открыта, так как является замыслом Божиим, Божьей волей. По жанру Толковая Палея ближе всего к богословским толкованиям и учительной литературе. В круг ее источников входят библейские, святоотеческие, хронографические, житийные, неканонические, а также естественнонаучные тексты.

Долгое время считалось, что Толковая Палея является переводом с греческого или болгарского, при этом произведение оценивалось как богословское, что во многом предопределило участь памятника. Так, П.Т. не попала в издание Памятников Литературы Древней Руси и издание Библиотеки Древней Руси, а ее значение сводилось только лишь как к сборнику книг Священного Писания. В XIX веке Толковая Палея была издана учениками Н.С. Тихонравова по 9 имевшимся тогда спискам (Палея Толковая, 1892-1896).

Первый полный перевод П.Т. со старославянского на русский язык был осуществлен только в начале XXI века (Палея Толковая, 2002).

Однако, при всем своем своеобразии древнерусская литература обладала теми же основными признаками и развивалась по тем же общим законам, что и европейская. В центре ее художественных образов был Бог, как первопричина Бытия, благодати и мудрости, все случившееся было предопределено волей Божьей, так же как и жизнь самого человека.

Необходимо отметить, что все европейские средневековые государства, и Русь здесь не исключение, во многом перенимали литературные традиции у стран, наследниц многовековой античной культуры Древней Греции и Рима. Однако для Руси важнейшую роль в этом отношении сыграли Болгария и Византия.

Таким образом, состав переводной литературы, имевшей распространение в Киевской Руси, обнаруживает культурную связь Руси с ведущими цивилизациями того времени. Источником влияния на развитие словесности на Руси, также как и в ряде государств Европы, была культура распавшейся Римской империи.

Список литературы:

Данилевский И.Н. (1993) Библия и «Повесть временных лет» // Отечественная история. №1. С.78-94.

Леонтьева, Г.А., Шорин, П.А., Кобрин, В.Б. (1993) Ключи к тайнам Клио. М.: Лихачев, Д.С. (1973) Развитие русской литературы X-XVII веков. Эпохи и стили. Л.:

Лихачев, Д.С. (1971) Художественное наследие Древней Руси и современность. Л.:

Мещерский, Н.А. (1958) Искусство перевода Киевской Руси // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XV. М.-Л.:

- Мещерский, Н.А. (1964) Проблемы изучения славяно-русской переводной литературы XI-XV вв. // Труды отдела древнерусской литературы. т. XX. М.-Л.:
- Палея Толковая (2002) / вступ. ст. В. Кожина; подгот. др.-рус. текста и пер. А.Камчатнова; коммент. В.Милькова, С.Полянского при участии Г.Баранковой, А.Камчатнова. М.:
- Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. (1892-1896)/ Труд учеников Н.С.Тихонравова. Вып. 1-2. М.:
- Плотникова, О.А. (2008) Историография и источники по социально-политической истории древнерусского общества. М.:
- Протопопов, Н. (1902) Очерки по истории древнерусской письменности. От начала письменности до XVIII в. М.:
- Развитие русской литературы X-XVII веков. Эпохи и стили. (1973) Л.:
- Успенский, В. (1876) Толковая Палея. Казань.
- Шахматов, А.А. (1904) Толковая Палея и русская летопись. СПб.:

Плотникова Ольга Анатольевна – доктор исторических наук, доцент (кафедра истории Московского гуманитарного университета), заместитель председателя Правления Историко-Просветительского общества.

Plotnikova Olga Anatolyevna – Doctor of Science (history), Associated Professor (History Department of the Moscow University for the Humanities), Vice-Chairperson of the Board of Historic-Educational Society.

Творческая молодежь и КГБ: на пути к инакомыслию
Бородай А.Д.
Creative youth and the KGB: towards dissent
Boroday A.D.

Аннотация: статья посвящена взаимоотношению органов государственной безопасности в советский период и молодой художественной интеллигенции. Автор исходит из противоречия в культурной политике того времени, когда общество стало в основе своей высокообразованным, а политика была законсервирована на уровне 30-х годов XX века. Поэтому КГБ следила за инакомыслящими и подвергала их различным репрессиям.

Ключевые слова: культурная политика, творческая молодежь, комитет государственной безопасности, диссидентство, инакомыслие, свобода творчества.

Abstract: The article is devoted to the relationship of state security bodies in the Soviet period and young artistic intelligentsia. The author proceeds from the contradictions in the cultural policy of that time, when the society has become of a highly educated in the basis, and the policy was suspended at the level of 30-ies of XX century. Therefore, the KGB watched dissidents and subjected them to various repressions.

Keywords: cultural policy, creative youth, state security Committee, dissidence, dissent, freedom of creativity.

Во второй половине XX века основная проблема и главное противоречие в государственной культурной политике нашей страны заключалось в том, что за многие десятилетия советское общество кардинально изменилось благодаря образованию и культуре. Оно стало одним из самых интеллектуальных. При этом, многие десятилетия культурная политика практически была законсервированной. Она строилась на недоверии к этому обществу, на ограничении в информации, на однотипных схемах художественного отражения окружающего мира. При том, что сфера духовной жизни не подкреплялась прогрессом в социально-экономической области, эти противоречия обострялись. В середине XX века, под воздействием «хрущевской оттепели» получило развитие международное культурное сотрудничество с участием художественной интеллигенции, молодого поколения работников литературы и искусства. Со второй половины 50-х годов эта тенденция имела тренд интенсивного развития. Атмосфера демократизации общественной жизни после XX съезда партии способствовала расширению культурных связей с зарубежными странами. Многочисленные делегации деятелей литературы и искусства нашей страны выезжала на международные встречи, принимали участие в конкурсах, выставках и фестивалях. Планы поездок и состав делегаций определялись партийными органами, которые получали информацию о благонадежности тех или иных представителей

творческой интеллигенции от подразделений Комитета государственной безопасности. Специальные выездные комиссии районных комитетов партии, рассматривая характеристики для выезда за рубеж, могли принять положительное или отрицательное решение. Вот один из примеров. В 1968 году поэт Андрей Вознесенский через посольство США в Москве был приглашен в Соединенные Штаты для творческих выступлений. Он собирался в 16-й раз поехать в США. Но на это раз ему было отказано в выезде за границу. На просьбу американского посольства Правление Союза писателей СССР проинформировало, что поэт болен и выехать в США не сможет. Однако, по стечению обстоятельств, в тот же день в посольстве проводился прием, на котором А.А.Вознесенский был в полном здравии. В выступлении на приеме посол США отметил этот факт и выразил удивление официальным ответом правления Союза писателей. Поэт, возмущенный таким к себе отношением, направил письмо в «Правду» и ЦК КПСС. Но публикации его письма и ответа не последовало. Тогда он передал письмо в западные средства информации, где оно было опубликовано. После этого инцидента по поручению ЦК КПСС с А.А.Вознесенским «профилактическую беседу» провел секретарь ЦК ВЛКСМ А.И. Камшалов (РГАСПИ.Ф.м-1.Оп.5.Д.1427.Л.43)

Заметим, что зачастую повод для таких решений давали государственные органы тех или иных стран. Одно из программных высказываний директора ЦРУ США А.Даллеса в начальный период «холодной войны» в отношении СССР гласит: «Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности поверить. ... Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать культ секса, насилия, садизма, предательства, – словом, всякой безнравственности...» (Цит. по: Ильинский, 1999: 20). Оценивая ситуацию прошлых десятилетий, позицию руководителей нашей страны в разные периоды послевоенной истории, мы не можем не соотносить ее с проходившей в течение многих лет «холодной войной». Вопросы художественного творчества были, в том числе, одной из составляющих этой «психологической» войны.

В этом контексте обратимся к Московскому фестивалю молодежи и студентов. В 1977 году, в Нью-Йорке бывший сотрудник американского секретного ведомства Г.Розицкий издал книгу «Секретные операции ЦРУ. Шпионаж, контрразведка и секретные акции». Автор писал: «Вероятно, самым ощутимым результатом «психологической войны» было налаживание контактов с диссидентами в Советском Союзе. Первые связи с диссидентскими группами в Москве были установлены на Московском международном фестивале молодежи в 1957 году, который в целом был в основном спонтанным диалогом между советской и западной молодежью. Спустя два года, во время выставки ЮСИА в Москве, в руки представителей Запада попали первые экземпляры подпольной литературы и нелегальных студенческих журналов. Это и ознаменовало начало публикации советских подпольных материалов на Западе, во многих случаях их

привозят назад в Советский Союз для более широкого распространения. Сбор и публикация рукописей из Советского Союза к настоящему времени стали крупным бизнесом». (Цит. по: Яковлев, 1983: 181)

Инакомыслие в среде художественной интеллигенции советского общества появилось в первой половине 50-х годов. Возможность мыслить по-другому открывала начавшаяся демократизация, точнее десталинизация общественной жизни. Суть понятия «инакомыслие» заключается в плюрализме. Но этот плюрализм относился, прежде всего, к области политики. Представители художественной интеллигенции попытались мыслить по иному, чем требовала официальная линия власти. Первыми инакомыслящими, по нашему мнению, стали авторы опубликованных статей по проблемам литературы и искусства.

В декабрьском номере 1953 года «Нового мира» были опубликованы заметки Владимира Померанцева «Об искренности в литературе». Автор выступил против штампа в литературном процессе и условий, которые приводят к шаблонам. Эта статья, лишь намекнув о необходимости снятия жестких установок и цензуры, наделала много шума. Ее автор был подвергнут все той же жесточайшей критике со всех сторон.

Следующий заметный акт инакомыслия сделал писатель Александр Крон, который в 1956 году опубликовал в альманахе «Литературная Москва» свои знаменитые «Заметки писателя». В них автор подверг критике административный стиль руководства искусством», который не способствовал развитию индивидуального стиля художника. По его мнению, суть состояла в том, что упор делался не на стиль, а на метод. Статья призвала «решительно покончить с рецидивами кнута и пряника в искусстве». Эти мысли вызвали еще больший гнев властей и руководителей творческих союзов.

Термин «диссидент» появился позднее, после «оттепели». Перевод этого иностранного слова на русский язык означал – «несогласный». Оно вошло в наш лексикон после известных судебных процессов над литераторами и освещение их в зарубежной прессе. При некотором различии в смысловом содержании эти слова можно считать синонимами. Применительно к творческой интеллигенции понятие «диссидент» стало применяться с 60-х годов. К диссидентам относили людей, несогласных с внутренней и внешней политикой государства, официальной партийно-государственной идеологией, с общепринятой в советском обществе моралью, навязанными сверху эстетическими нормами в сфере художественного творчества и пр. Неприятие даже отдельных норм существовавших порядков было признаком инакомыслия. А.Д.Сахаров писал: «Лично мне больше по душе старое русское слово “вольномыслящие”». (Звезда, 1990: 14) С.А.Ковалев справедливо усматривал в слове «диссидент» определенный негативный оттенок, поскольку этим термином пользовались властные структуры (Ковалев, 1991: 50).

В годы “хрущевской оттепели” и в последующий период людей, недовольных существующими порядками, было достаточно много. Это проявлялось

в ограничении желаний советских граждан свободно выезжать за границу, публично высказаться по волнующим проблемам, в создании произведений литературы, которые не могли быть опубликованы по идейному содержанию. Были написаны картины, которые не допускались в выставочные залы. Поставлены спектакли, у которых не было премьер. Сняты кинофильмы, не допущенные на экран и т.д. Однако немногие, кто добивался свободы, правды и справедливости, являлись по определению властей диссидентами в негативном восприятии этого слова, хотели покинуть Родину. По формальным, витавшим в воздухе критериям, инакомыслящими можно было назвать Е.Евтушенко, А.Вознесенского, и многих других, но по существу они таковыми они не были.

Каких-то установленных критериев отнесения человека, его действия к диссидентству не существовало. Однозначно сказать по конкретному человеку, что он диссидент, достаточно сложно. Что касается молодой творческой интеллигенции, то необходимо осторожно относиться к этому довольно-таки грозному слову, так же как и к тем, кто создавал возможности для публикаций произведений “ершистых”. Издательство “Молодая гвардия” подвергалось критике за публикацию произведений А.Вознесенского, А.Кузнецова и других, но в этом не было стремления противоправных действий по отношению к советскому строю, политической системе, правящей партии.

Большинство творческой молодежи, примкнувшей к инакомыслящим, были честными, бескорыстными людьми, которые стремились к улучшению социалистической системы, оздоровлению общественно-политической и культурной жизни, повышению уровня нравственности. Значительная их часть состояла в комсомоле. Нежелание властей прислушаться к голосу критически мыслящих граждан, отсутствие диалога между руководством страны и обществом, преследование за инакомыслие расширили круг лиц, отвергающих порядки и мораль социалистического общества. Карательная политика по отношению к несогласным, проводимая административными, судебными и партийными органами, имела своим следствием разочарование в социализме. Так советская власть своих верных сторонников, обеспокоенных судьбой страны, превращала в противников. Молодые творческие деятели, считавшиеся инакомыслящими, чувствовали личную ответственность за судьбы страны. Побудительными причинами включения в движение за развитие демократии было нравственное неприятие системы власти. При многообразии непосредственных поводов и личных побуждений выделяется общая нравственная причина: стремление к осознанию личной ответственности за все, что происходило в советской стране.

Важную роль в возникновении инакомыслия среди молодой творческой интеллигенции играла психологическая предпосылка. Молодые представители литературы и искусства освобождались от чувства страха перед могуществом карательных органов, смелее преодолевали инерцию ожидания постоянной опасности, унаследованную от сталинских времен. В этом смысле молодая творческая интеллигенция, ставшая на путь инакомыслия и диссидентства, в

большинстве своем являла пример мужества и стойкости, хотя и среди них встречались слабовольные и малодушные люди. Процесс преодоления инерции страха был долгим и тяжелым. Поэтому из широкого круга недовольных на путь открытого сопротивления растущей реакции выходила лишь незначительная часть.

Общепризнанно, что либеральные реформы второй половины 1980-х – начала 1990-х годов, начатые М.С.Горбачевым, имели свои духовные предтечи. Одной из них явилось диссидентское движение 1960 – 1970-х годов, в котором важную роль играла молодая генерация литераторов, публицистов, художников и т.д. Критика культа личности Сталина XX съездом КПСС повлекла за собой определенную демократизацию. Десталинизация, вошедшая в историю под названием “хрущевская оттепель”, стимулировала развитие процесса духовного освобождения и возрождения советского общества.

Отношение Н.С.Хрущева к наиболее ярким личностям молодой творческой интеллигенции, которых в последующем называли “шестидесятниками”, уже в начале 60-х годов выявило отступления от либеральной сущности реформ. Собственно оценка произведений молодых литераторов, скульпторов, художников стала своеобразной “лакмусовой бумажкой”, на которой проявился политический догматизм существовавшего режима.

Преследование творческих деятелей только обостряло негативное отношение к системе, власти, строю. Получалось так, что сама власть рождала своих противников. Ширилась “кухонная” демократия, которая к недовольству материальным положением, пустым холодильникам дополняла информацию о психушках, арестах, лишениях гражданства. Напрашивается вывод о том, что в определенной мере атмосфера “оттепели” обманула ожидания значительной части молодой художественной интеллигенции. Разбудив творческий процесс, она тут же нанесла по более талантливым сокрушительный удар позицией руководителя страны. В этом плане представляет интерес фрагмент доклада на XIV конференции Института по изучению истории СССР в Мюнхене в ноябре 1962 года. Он отмечал, что ЦК партии в новой общественно-политической обстановке избегал применения жестких мер к инакомыслящим из среды творческой молодежи. «Это делать сейчас не выгодно, да и не совсем нужно. Предоставление свободы высказываний в рамках «коммунистических положений и норм поведения» – действенное средство к познанию режимом инакомыслящих. Хрущев стоит на той точке зрения, что лучше иметь явного врага, чем «скрытого друга». Но в случае необходимости в руках ЦК КПСС все средства воздействия и весь материал осведомленности» (Лебедь, 1962: 17.)

Осмысление темы исследования приводит к выводу, что на конференции была подмечена правдивая и важная деталь политики партии в отношении творческой молодежи в условиях “оттепели” и некоторых тенденций демократизации общества.

Диссидентское движение молодой художественной интеллигенции в большинстве своем, как мы представляем себе по исследованной литературе, не носило “анти” в смысле социализма и даже его советской интерпретации. Творческая молодежь выступала за право на собственное творчество, личное видение жизненного процесса, его собственное восприятие и отражение на литературных страницах, в стихотворных строках, художественных полотнах. Широко практиковалась профилактическая работа органов безопасности с творческой молодежью. Цель такой профилактики в том, чтобы переубедить конкретного представителя творческой молодежи вопросам, в которых, по мнению органов, он занимает неверные позиции, скатывается к антисоветчине. Долгое время КГБ вообще не признавал, что привлекает к ответственности молодых литераторов, художников по политическим соображениям, что органы госбезопасности только тем и занимаются, что ведут миролюбивые беседы с заблуждающимися, сбивающимися с верного пути.

О такой профилактике говорил один из руководителей Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР В.В.Лебедев. В еженедельнике “Неделя” он писал: “Несколько лет назад один молодой человек попал в поле зрения органов государственной безопасности. Стало известно, что он пишет и распространяет стихи, откровенно враждебные социалистическому строю. Он не был наказан, ему посоветовали поступить на работу на предприятие. После такого исправления трудом молодой поэт стал писать стихи, которые не надо прятать в тайниках” (Неделя, 1962: 12)

Своеобразная «профилактика». Она вызывает вопросы. Почему именно органы безопасности предъявляли претензии к молодому поэту, почему они определяли, что противоречит социалистическому строю? Логичнее если бы партия и государство прислушивались к подобным стихам, не видели в молодом поэте политического противника, совершенствовали политическую систему, то и государство, политическая система были бы прочнее, демократичнее.

Руководитель КГБ не скрывает, если бы этот молодой поэт послушался органов безопасности, он был бы наказан, тем более по пресловутой 37-й статье за антисоветскую деятельность. Просматривается и то, что этого поэта припугнули, заставили пойти работать на производство, пройти перевоспитание в трудовом коллективе. И уже “после такого исправления трудом” не захочешь писать то, о чем думается, а будешь благословлять органы безопасности. Творческая молодежь находилась под повсеместным и непрерывным контролем. К тем кто не соответствовал принятым стандартам применялись административные меры воздействия вплоть до репрессий. То, что преследованиям за инакомыслие подвергались представители творческой молодежи и, что это считалось нормой, государственной политикой, откровенно говорил председатель КГБ СССР В.Е. Семичастный. Выступая перед руководителями республиканских, краевых, областных комсомольских организаций, он отмечал: «Мы не можем не считаться с тем, что в результате влияния буржуазной идеологии у некоторых политически незрелых и морально неустойчивых людей, особенно из числа

молодежи, появляются неправильные взгляды на советскую действительность, скептическое отношение к политике партии и Советского правительства, отсутствие интереса к участию в общественной жизни, эгоизм, стяжательство, тунеядство, что во многих случаях порождает безразличное отношение к судьбам нашей Родины и служит основой антиобщественных проявлений и государственных преступлений». Председатель КГБ считал, что в этой работе должен участвовать комсомол. «Я хотел бы посоветовать почаще встречаться с начальниками областных управлений и председателями КГБ республик. Они имеют возможность информировать вас, какие вопросы возникают у молодежи». (Об усилении: 82-83)

С начала 60-х годов зарождается так называемый самиздат, то есть самостоятельное (самодеятельное) издание произведений авторами или группами граждан. Появление подпольной литературы, диссидентов явилось естественным ответом на действия компартии и государства по ограничению творчества, прямому давлению на молодых творческих деятелей. Молодые люди, не имея возможности высказаться в печати, по радио, выпускали т.н. самиздатовские журналы и газеты. В Вильнюсском университете существовал журнал «Фигурный листок», в Ленинградском университете – журнал «Голубой бутон», в Ленинградском библиотечном институте – журнал «Ересь». Подобные примеры не единичны, хотя и не столь многочисленны. В большей мере через самиздат выпускались художественные произведения, касающиеся истории страны. Самиздат не играл существенную роль в информации граждан, также как и то, что произведения диссидентов издавались за рубежом. Потом они тайными каналами попадали в Советский Союз. Естественно, возникал ажиотажный интерес к самиздату. Разве что в Москве и других крупных городах интеллигенция проявляла к этому интерес.

Анализ самиздатовской литературы за 1965-1970 годы, проведенный КГБ СССР, показал, что в ней произошли качественные изменения. Если в середине 60-х годов отмечалось хождение по рукам, главным образом, «идейно порочащих художественных произведений», то на рубеже 60-70 годов все большее распространение получали документы программно-политического характера. За период с 1965 года появилось свыше 400 различных исследований и статей по экономическим, политическим и философским вопросам, в которых с разных сторон критиковался исторический опыт социалистического строительства в СССР, ревизовалась внешняя и внутренняя политика КПСС, выдвигались различного рода программы оппозиционной деятельности. Особенно придирчиво органы безопасности следили за творческой молодежью в период международных мероприятий. Уже в период «хрущевской оттепели» после Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве в 1957 году «только в один лагерь Потьма было отправлено 300 человек на сроки от трех до пяти лет за «связи с иностранцами на молодежном фестивале»». Этот источник нельзя принять за истину в последней инстанции, но то, что многие молодые люди, в том числе

из числа творческой молодежи, были профилактрованы, теперь широко известно. (Молодежь, 1962: 21)

В конце 1960-х – начале 70-х годов усилилось напряжение в отношениях власти и художественной интеллигенции. Истоки этой тенденции лежат не столько в области культурной политики, сколько во внешней и внутренней политике советского государства того времени. После событий 1968 года в Чехословакии, когда с осуждением ввода советских войск официально через обращение выступили несколько десятков авторитетных деятелей культуры и искусства, атмосфера накалялась. Со стороны властей последовала реакция по ограничению прав и свобод «подписантов». В эти годы расширяется список «невозвращенцев» из числа молодых артистов, которые гастролировали в странах Европы и США. В качестве профилактики идейных отклонений молодой художественной интеллигенции было решено подготовить специальное постановление ЦК партии. Оно было принято в 1976 году и получило название «О работе с творческой молодежью». (См.: КПСС, 1978: 367)

Однако этот документ в ряду других, касающихся художественной культуры, является знаковым. Вот что о нем пишет бывший первый заместитель председателя КГБ СССР генерал армии Ф.Д.Бобков. «В конце 70-х годов в Москве возникли большие проблемы в работе с творческой молодежью. Проблемы не политические, а житейские – материальное обеспечение, возможность приложения творческих сил, обеспеченность необходимой атрибутикой и, наконец, жилье. Все это сказывалось на настроениях дарований, рождало негативное отношение к власти. (Бобков, 1995: 261.) Далее автор мемуаров отмечает, что КГБ подготовил специальную записку за подписью Ю.В.Андропова, которую одобрил М.А.Суслов. Эта записка, по мнению Ф.Д.Бобкова, явилась основанием для принятия постановления ЦК партии.

С такой версией очень компетентного человека просто невозможно не согласиться. Действительная проблема, которая вызвала необходимость принятия такого документа зрела со второй половины 60-х годов. В целом ряде партийных документов, в выступлениях Генерального секретаря Л.И.Брежнева в первой половине 1970-х годов были определенные подходы к этой теме. Очевидно, что предпосылки для принятия постановления ЦК партии «О работе с творческой молодежью» (октябрь 1976 г.) сугубо политические. Вполне допускаем, что в записке КГБ СССР затрагивались социально-бытовые проблемы молодой художественной интеллигенции, но это не его профиль. Такое серьезное ведомство могло дать в ЦК партии анализ тенденции «невозвращенцев» из числа творческой молодежи, которые гастролировали за рубежом. Эта статистика была не в пользу нашей страны. Другой аспект, который должен был присутствовать в записке – это политические настроения среди молодой художественной интеллигенции. Кураторы художественных вузов, творческих союзов и организаций, опираясь на осведомителей, такие сведения периодически получали. Пятое управление КГБ СССР их постоянно анализировало.

Вот как об этом эпизоде вспоминал генерал-майор КГБ Александр Ми-

хайлов на встрече в Высшей школе социальных и экономических наук 5 апреля 2012 года. Он говорил: «В начале 1970-х обозначилась новая проблема: творческие вузы выпустили избыточное количество деятелей культуры. Молодые люди заканчивали ВГИК, ГИТИС, Щукинское театральное училище – и фактически оказывались на улице. Существовало энное количество театров, в них энное количество рабочих мест – намного меньше, чем прибывало свежее испеченных актеров. В результате, мы наплодили множество молодых творческих кадров в состоянии бомжей. Мы написали по этой ситуации записку в ЦК КПСС. В ней, к слову, фигурировал такой пример: когда молодой актер шел в гости, ему иногда было нечего надеть, и он брал костюм в костюмерной. Потом эта записка была реализована в постановлении ЦК «О работе с творческой молодежью». Благодаря этому постановлению была расширена сеть театров, и улучшено материальное положение актеров. Это было важно. Такие вопросы не имели отношения к безопасности, но имели прямое отношение к напряженности в обществе» (Аналитика: Электр. ресурс)

Диссидентское движение молодой художественной интеллигенции в большинстве своем, как мы представляем себе по исследованной литературе, не носило “анти” в смысле социализма и даже его советской интерпретации. Творческая молодежь выступала за право на собственное творчество, личное видение жизненного процесса, его собственное восприятие и отражение на литературных страницах, в стихотворных строках, художественных полотнах. Интересны суждения писателя и диссидента В.Аксенова. Вспоминая 60-е годы, он говорит, что молодые писатели утверждали не новые идеи, а новый стиль. “Хотя достаточное число лиц у руля воспринимали новый стиль именно как “идею”, причем “вражескую”. Это были времена такого романтического подъема. Мы считали себя авангардом. А авангард, кстати, всегда массовое явление”. Сегодня этого романтизма и авангарда нет. Говоря о России, В.Аксенов замечает: “Сейчас здесь можно свободно утверждать какие угодно идеи – вплоть до фашистских, а такого массового движения не видеть. Несмотря на все благоприятные обстоятельства”. (Аксенов, 1999: 8)

Политическим и административным насилием рождались памфлеты, обращения, воззвания, публицистические статьи, сатирические произведения, как в прозе, так и в стихах, направленные против отдельных представителей партийной номенклатуры. Сама власть порождала этот поток, в котором литература и искусство покрывались оболочкой политического протеста. Опять же уместно подчеркнуть, что по прошествии времени те же политические деятели признавали ошибочность действий властей, а, следовательно, признавали и правомерность произведений, которые запрещались, конфисковались, а их авторы подвергались унижениям, клевете и даже лишения Отчества.

В среде молодой творческой интеллигенции остро проявлялось недовольство противоречиями между тем, о чем утверждала официальная пропаганда, и фактическим положением дел в обществе. На ее социальном самочувствии существенно сказывалась обстановка двуличия, когда руководители страны и

государственные, партийные средства массовой информации говорили о преуспевающем положении страны, о непогрешимости общественно-политической системы, а в жизни советские люди видели совсем иное.

Приведем пример из жизни творческой молодежи. В Литературном институте имени М.Горького на закрытых партийных собраниях говорилось, что некоторые студенты высказывают суждения, отличные от официальных, открыто заявляют об отсутствии свободы печати, что студенты выражают сомнение в целесообразности руководящей роли партии и необходимости во всем следовать марксизму. На партийном собрании коммунисты критиковали комсомолку Б.Ахмадуллину за то, что она «пишет не просто камерные, а еще более узкой тематики стихи». Студенты Литературного института, начинающие поэты и писатели не могли не чувствовать происходившие в обществе процессы и не отражать их в своих произведениях. Творческая молодежь критически оценивала достижения советского общества и его очевидные недостатки, стремилась отойти от догматических представлений. По логике власть должна была прислушаться к общественному мнению молодежи, наиболее образованной ее части. Но она использовала лишь свою власть для подавления и искоренения инакомыслия и творческого осмысления действительности. В то время подобные суждения считались крамоллой, антисоветчиной. Но студенты творческого вуза справедливо говорили о существовании нашего строя, командно-административной, тоталитарной системы. Партийное собрание в духе времени в своем решении обратило «внимание коммунистов дирекции на недостойное поведение этих студентов и просило принять меры для пресечения возможности повторения подобных фактов», точнее – для исключения их из института. (Центральный архив общественных организаций г. Москвы. Ф.4079.Оп.1.Д.17.Л.21)

Тогда это оправдывалось и тем, что эти студенты в скором времени должны были пополнить ряды творческой интеллигенции и оказывать на нее разлагающее влияние. О таких заявлениях коммунистов партийные комитеты и органы государственной безопасности информировали самый «верх» власти, но не для исправления положения в стране, а для ужесточения позиции к тем, кто доходил до таких «вольностей». В Литературном институте учились одаренные молодые люди, они отражали свои мысли в больших и малых произведениях, которые читались и перечитывались в самиздатовском оформлении. Это был своеобразный путь к инакомыслию.

В советском обществе любили поэзию. Страсть к стихам породила новую форму общения молодежи. По случаю открытия в Москве памятника советскому поэту В.В. Маяковскому 29 июня 1958 года на площади у нового монумента состоялся первый незапланированный «вечер поэзии на открытом воздухе». Такие встречи стали регулярными. Любители поэзии читали не только стихи профессиональных поэтов, но и свои собственные. Эти собрания молодежи были своего рода устными неподцензурными поэтическими журналами.

Поначалу власти не видели в этом криминала, но по мере того, как исподволь начали звучать политические мотивы, стражи порядка стали запрещать сборы на площади Маяковского. В апреле 1961 года была последняя попытка вновь собраться на излюбленном месте. Стражи порядка разогнали толпу молодежи и задержали нескольких организаторов сходки. В августе были осуждены И.Бокштейн на пять лет, Э.Кузнецов и В.Осипов на семь лет исправительно-трудовых лагерей за “антисоветскую агитацию и пропаганду”. В.Буковского, одного из завсегдаев сходок на Маяковке, отчислили из университета. (Буковский, 1990: 114.)

Собрания у памятника Маяковскому познакомили и сплотили многих молодых людей. В атмосфере литературных и политических диспутов родилась общность в виде неформальных групп. Наибольшую известность приобрело объединение СМОГ, члены которого расшифровали его двояко: “Самое молодое общество гениев” или “Смелость, мысль, образ, глубина”. Смоговцы имели большие амбиции и были склонны к эпатажу, отрицали принципы социалистического реализма, общепринятую мораль, культурные и духовные ценности социалистического общества. Они считали себя новаторами в литературе и искусстве, были сторонниками модерна и авангарда (Молодой коммунист. 1962. № 2; Комсомольская правда. 1962. 14 января).

На площади Маяковского функционировала своеобразная трибуна свободной поэзии. Журнал «Молодой коммунист» и газета «Комсомольская правда» писали, что появившаяся в январе 1962 года нелегальная группа молодых поэтов “пыталась использовать трибуну на площади Маяковского для более или менее организованной борьбы против официальной идеологической линии”. По мнению авторов этих материалов, общим для этих выступлений было отрицание коммунистического коллективизма и всей советской системы. Как отмечалось, на первом месте эта группа выступала за признание в СССР абсолютной ценности человеческой личности и права человека на свою индивидуальность. 19-летний Буковский «сочинил трактат», в котором доказывал, что членство в комсомоле носит совершенно формальный характер и что о подлинно коммунистических настроениях у молодежи говорить нельзя. (Хроника, 1979: 85.)

Участники поэтических встреч, в основном это были молодые люди, выступали за права человека и гражданина, провозглашенные в 1949 года во Всемирной декларации прав человека.

В художественной жизни Москвы 15 сентября 1974 года произошло знаменательное событие. На пустыре в районе Беляево была организована выставка 22 молодых художников. Если раньше свободу творчества художников давили словом, бранью руководителя страны, то теперь против художников применили тяжелую строительную технику. Свобода творчества теперь подавлялась гусеницами бульдозера. Тогда об этой акции властей писали и говорили во всем мире. В пригласительном билете выставка именовалась так: “Первый осенний показ картин на открытом воздухе”. Молодые художники обошли по-

роги многих ведомств с просьбой разрешить организовать выставку, но ответ был один: нет! Причем, после того как отказали предоставить помещения, просили разрешения провести выставку на открытой площадке, никому и ни в чем не мешая. На выставку были приглашены зарубежные журналисты. Выставка открылась, но ее тут же стали разгонять. Запустили бульдозер. Началась потасовка. Одному западному журналисту дружинники выбили зуб, а художника О.Рабина подняли на ноже бульдозера. Указание на использование против картин бульдозера дал Черемушкинский райком КПСС г. Москвы (Выставка, 1999: 38-41)

Бывший первый заместитель председателя КГБ СССР Ф.Д.Бобков сейчас представляет дело так, что единственными защитниками художников были чекисты. «Этот дикий вандализм остановили, но немало картин было безнадежно погублено» (Бобков, 1995: 278.)

Приведем еще одно воспоминание генерал-майора КГБ Александра Михайлова, работавшего в 5-м управлении: «В 1974-м прошла так называемая Бульдозерная выставка. Это была публичная акция неофициального искусства в СССР. Московские художники-авангардисты собрались на окраине столицы, в Беляево, и выставили на открытом воздухе свои картины. В разгар действия появились труженики завода имени Лихачева в брезентовых рубашках, которым именно на этом пустыре требовалось проводить субботник. Картины покидали в грузовики, выставку разогнали. Вышел крупный скандал. Запад раздул его до невероятных размеров. О готовящейся выставке КГБ знало заранее. Но только после скандала ЦК обратил внимание на нашу записку, которую мы писали за годя – о необходимости создания условий для работы молодым художникам. Именно тогда при группкоме художников-графиков была создана секция живописи, которой предоставили выставочную площадку в доме на Большой Грузинской, в котором жил Высоцкий. В этом зале художники могли выставлять работы совершенно спокойно. Надо сказать, до тех пор, пока выставки были локальными и запретными, интерес к ним был колоссальным. О них рассказывали западные журналисты и телевизионщики. Но как только выставки легализовали, интерес пропал сразу. При этом от протестного движения в искусстве отпало огромное количество людей, которые не имели никакого отношения к живописи и скульптуре, но хотели самовыразиться». (Аналитика: Электр. ресурс).

Большинство участников выставки после погрома эмигрировали за рубеж. Разгром выставки стал лучшей рекламой картин молодых художников. Работа С.Бордачева именно за то, что она была с “Бульдозерной улицы”, была продана за три тысячи долларов. Художник Б.Борух так вспоминает: «Мы не были диссидентами, просто художники. Почему мы вышли на эту пленэрную выставку? Да просто потому, что художники не могут жить на необитаемом острове. Нам надоело бояться и прятаться по подвалам». «Шестидесятники»,

которые поднялись на волне общественного прогресса хрущевской «оттепели», уезжали за рубеж в 70-е и 80-е годы. Они приносили в эмигрантскую среду, в русскую литературу зарубежья новые сюжеты, новые образы коммунистической России, бытовые и политические зарисовки. В этот период за рубежом издавались журналы «Континент» В.Максимова, «Синтаксис» А.Синявского и М.Розановой, «Эхо» во Франции, француско-американский «Стрелец», «Панорама» и «Время и мы» в США, «22» в Израиле. На страницах эмигрантских журналов публиковались произведения о современной советской жизни, процессах, происходивших в среде творческой интеллигенции. (Записка, 1994: 77-78.)

Протест против запретительства, повальной цензуры вызвал эмиграцию творческой молодежи. За рубеж уехали В.Некрасов, Э. Неизвестный, Ю.Любимов, И.Бродский, Н.Макарова, Р.Нуриев, М. Барышников и другие. Сейчас опубликовано немало документов, свидетельствующих о грубом вмешательстве органов государственной безопасности в деятельность творческой интеллигенции. В 1967 году в КГБ СССР было создано 5-е управление, которое имело своей задачей борьбу с «идеологическими диверсиями» противника.

Свое влияние на процессы формирования художественной интеллигенции в советском обществе оказывала борьба двух систем в рамках «холодной» войны. Специальные службы западных государств, прежде всего, США проводили значительную работу в сфере культуры, чтобы вызвать напряжение между властью и художественной интеллигенцией. Особое внимание уделялось творческой молодежи. Об этом, в частности, свидетельствуют мемуары бывших работников ЦРУ, документы КГБ. Власти в нашей стране, к сожалению, давали повод для инакомыслия и диссидентских движений несбалансированной политикой в сфере художественной культуры, жесткой цензурой в области литературы и искусства.

Выводы о влиянии «психологической» войны на сферу художественной культуры представляются нам достаточно серьезными. Основания для таких выводов очевидны. «Холодную» войну и ее составляющую часть – войну «психологическую» наша страна, к сожалению, проиграла. Причина того поражения кроется в неэффективной экономике, догматизированной идеологии и неадекватной политике. В том числе и в сфере художественной культуры.

В стране создавалась обстановка, когда любое инакомыслие рассматривалось как преступление перед обществом и подлежало наказанию, любые попытки высказывать самостоятельную точку зрения представлялись как чрезвычайная ситуация. По каждому случаю прослушивания «голосов» молодые люди подвергались притеснению со стороны администрации учебных заведений. Прослушивание «голосов» расценивалось как серьезные просчеты в так называемом классовом воспитании в условиях острой идеологической борьбы. Отдел культуры ЦК КПСС в декабре 1956 году направил докладную в ЦК КПСС, в которой говорилось, что в Государственном институте кинематографии половина студентов, проживавших в общежитии, слушали передачи «Голоса Аме-

рики”. Господствовало представление, что у некоторых молодых людей образованность и информированность подчас уживались с политической наивностью. Фактически же дело было не в замедленном формировании гражданских качеств молодежи, а в ее нежелании мириться с политическими и идеологическими штампами, звучавшими повсеместно.

Органы государственной безопасности вели политический контроль в обществе, “брали на заметку” молодых творческих работников, которые допускали высказывания, выходящие за рамки коммунистической идеологии. Широко практиковалась профилактическая работа органов безопасности с творческой молодежью. Цель такой профилактики в том, чтобы переубедить конкретного представителя творческой молодежи вопросам, в которых, по мнению органов, он занимает неверные позиции, скатывается к антисоветчине. Долгое время КГБ вообще не признавал, что привлекает к ответственности молодых литераторов, художников по политическим соображениям, что органы госбезопасности только тем и занимаются, что ведут миролюбивые беседы с заблуждающимися, сбивающимися с верного пути молодыми талантами.

С начала 60-х годов зарождается так называемый самиздат, то есть самостоятельное (самодеятельное) издание произведений авторами или группами граждан. Появление подпольной литературы, диссидентов явилось естественным ответом на действия компартии и государства по ограничению творчества, прямому давлению на молодых творческих деятелей.

Молодые люди, не имея возможности высказаться в печати, по радио, выпускали т.н. самиздатовские журналы и газеты. В Вильнюсском университете существовал журнал «Фиговый листок», в Ленинградском университете – журнал «Голубой бутон», в Ленинградском библиотечном институте – журнал «Ересь». Подобные примеры не единичны, хотя и не столь многочисленны. В большей мере через самиздат выпускались художественные произведения, касающиеся истории страны. Самиздат не играл существенную роль в информации граждан, также как и то, что произведения диссидентов издавались за рубежом. Потом они тайными каналами попадали в Советский Союз. Естественно, возникал ажиотажный интерес к самиздату. Разве что в Москве и других крупных городах интеллигенция проявляла к этому интерес. Анализ самиздатовской литературы за 1965-1970 годы, проведенный КГБ СССР, показал, что в ней произошли качественные изменения. Если в середине 60-х годов отмечалось хождение по рукам, главным образом, «идейно порочащих художественных произведений», то на рубеже 60-70 годов все большее распространение получали документы программно-политического характера. За период с 1965 года появилось свыше 400 различных исследований и статей по экономическим, политическим и философским вопросам, в которых с разных сторон критиковался исторический опыт социалистического строительства в СССР, ревизовалась внешняя и внутренняя политика КПСС, выдвигались различного рода программы оппозиционной деятельности.

Свое влияние на процессы формирования художественной интеллигенции в советском обществе оказывала борьба двух систем в рамках «холодной» войны. Специальные службы западных государств, прежде всего, США проводили значительную работу в сфере культуры, чтобы вызвать напряжение между властью и художественной интеллигенцией. Особое внимание уделялось творческой молодежи. Об этом, в частности, свидетельствуют мемуары бывших работников ЦРУ, документы КГБ. Власти в нашей стране, к сожалению, давали повод для инакомыслия и диссидентских движений несбалансированной политикой в сфере художественной культуры, жесткой цензурой в области литературы и искусства.

Выводы о влиянии «психологической» войны на сферу художественной культуры представляются нам достаточно серьезными. Основания для таких выводов очевидны. «Холодную» войну и ее составляющую часть – войну «психологическую» наша страна, к сожалению, проиграла. Причина того поражения кроется в неэффективной экономике, догматизированной идеологии и неадекватной политике. В том числе и в сфере художественной культуры. Творческая молодежь внесла свой вклад в развитие литературы и искусства. Достижения молодых в развитии культуры признавались и далеко за пределами страны. Молодые творческие деятели, особенно литераторы, смотрели далеко вперед, видели необходимость существенного обновления общественной жизни, изменения политического режима. Исследованные документы и беседы с общественными деятелями того времени показывают, что в творческих произведениях справедливо указывались недостатки организации общественной жизни, ее несовершенство, предлагались пути решения проблем, которые в то время преподносились с всякими ярлыками вплоть до «антисоветских». В то же время дальнейшее развитие общественной жизни в Советском Союзе, России наглядно подтвердило, что многое из сказанного творческими деятелями в то время было подтверждено практикой демократических преобразований.

Таким образом, тенденция мировоззренческих позиций творческой молодежи тяготела к плюрализму. Эти мировоззрения стали следствием демократизации общественных отношений в незначительные по срокам периоды советской истории второй половины XX века. Развитие идейных позиций от моноидеологии к инакомыслию у определенной части молодых работников литературы и искусства сопровождалось плюралистическим началом творческой деятельности.

Список литературы:

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.м-1.Оп.5.Д.1427.

Центральный архив общественных организаций г. Москвы. Ф.4079.Оп.1.Д.17.

Аксенов, В. (1999) Литпроцесс со мной разминулся // Мир за неделю. 1999. 1-13 ноября. № 11.

- Аналитика из подвалов КГБ [Электр. ресурс] // URL: [http:// www.news putc.org // analitika_iz_podvalov kgb /2012 . 05. 04./ 1083](http://www.news.putc.org/analitika_iz_podvalov_kgb/2012.05.04/1083) (обращение 8 января 2013 г.)
- Бобков, Ф.Д. (1995) КГБ и власть. М.:
- Буковский, В. (1990) И возвращается ветер. М.:
- Выставка одного бульдозера (1999) // Власть. Коммерсантъ. № 22. С. 38-41.
- Записка КГБ при СМ СССР 21 декабря 1970 г., № 3461 (1994) // Источник. № 2. Звезда.1990. № 2.С.14
- Ильинский, И.М. (1999) О «культуре» войны и Культуре мира. М.:
- Ковалев, С.А. (1991) Погружение в трясину. (Анатомия застоя). М.:
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1978). 8-е изд. Т.12. М.:
- Лебедь, А.И. (1962) Советская молодежь как опора режима // Молодежь Советского Союза: XVI конференция Института по изучению истории СССР. Мюнхен, 5 – 6 ноября 1962 г. №38-39. Мюнхен:
- Молодежь Советского Союза: XVI конференция Института по изучению истории СССР (1962). Мюнхен, 5 – 6 ноября 1962 г. Мюнхен:
- Неделя.1962.№ 35.
- Об усилении борьбы комсомольских организаций с проникновением буржуазной идеологии в среду молодежи: Материалы совещания в ЦК ВЛКСМ, февраль 1964 года // Личный архив В.К.Криворученко..
- Хроника текущих событий (1979). Вып. 16-17. Амстердам.
- Яковлев, Н.Н. (1983) ЦРУ против СССР. М.:

Бородай Александр Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник культуры РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, профессор кафедры теории рекламы и массовых коммуникаций, декан факультета рекламы Московского гуманитарного университета.

Boroday Alexander Dmitrievich – Doctor of Science (history), Professor, honored worker of culture of Russian Federation, honorary worker of higher professional education of the Russian Federation, Professor of the Department of the theory of advertisement and mass communication, Dean of the Advertising Faculty of Moscow University for the Humanities.

Социальные функции массовой культуры в современном обществе¹

Костина А.В.

Social functions of mass culture in modern society

Kostina A.V.

Аннотация: В статье показано, что массовая культура является формой, выполняющей в обществе совокупность социальных функций – адаптационную, коммуникативную, трансляционную и т.п. В этом, а не в художественной ее функциональности, состоит главное значение этой культурно и исторически опосредованной формы.

Ключевые слова: массовая культура, адаптация, социализация, трансляция, массовая коммуникация.

Abstract: In article it is shown that the mass culture is the form which is carrying out in society set of social functions – adaptation, communicative, transmitting, etc. In it, instead of in its art functionality, the principal value of this cultural and historically mediated form consists.

Keywords: mass culture, adaptation, socialization, translation, mass communication.

Массовая культура, появление которой связано с особыми социокультурными обстоятельствами, приведшими на рубеже XIX-XX веков в рамках западной цивилизации к формированию массы и массового сознания, является конкретным историческим явлением. И в силу этого обстоятельства говорить о случайности ее появления и об ее возможном исчезновении в ближайшей исторической перспективе представляется ошибочным, ибо массовая культура имманентна массовому потребительскому обществу, которое сегодня является реальностью.

В обществе с высоким уровнем социальной стратификации и утраченными традиционными способами самоидентификации массовая культура выступает как универсальный механизм, выполняющий целую совокупность необходимых обществу функций. Она (1) выступает как форма адаптации человека к стремительно изменяющимся условиям его существования, реализуя свой гедонистический и рекреационный потенциал, выступая как механизм идентификации. Она (2) закрепляет существующую в обществе социальную иерархию через символически значимое культурное потребление, (3) способствует адаптации сложного специализированного знания к обыденному массовому сознанию, (4) помогает установлению контакта человека с миром, подтверждает его присутствие в данной общности, нивелирует у него ощущение космического одиноче-

¹ Печатается при поддержке гранта РГНФ № 12-03-00-330А

ства, выступая в качестве достижения не столько в области искусства и экономики, сколько в области социальной.

Более того, (5) именно через массовую культуру, ее символы и знаки массовый индивид получает возможность открыть часть себя, адекватно себя оценить и верно идентифицировать. Массовая культура, в отличие от высокой культуры, направленной на превращение богатства совокупной человеческой истории во внутреннее достояние личности и являющейся условием развития его сущностных характеристик, (6) ориентирована на социализацию индивида, включение его в определенную среду и реализацию стратегий адаптации в их многообразных вариантах, связанных со степенью активности и с ориентацией на определенную деятельность личности или группы.

В условиях развития индустриального массового общества, различного в своих национально-этнических основаниях, но стремящегося к социальной гомогенности, массовая культура (7) придает устойчивость общественным структурам через **формирование единого информационно-символического пространства**, посредством повышенной стандартизованности основных его составляющих, а также существенно повысившейся эффективности социального воспроизводства общества (Костина, 2009). Фактически те же функции выполняет и западная массовая культура – *практически все этические кинополотна обязательно содержат упоминание либо об американских ценностях либерализма и демократии, либо о Конституции США, либо включают изображение американского флага и Белого дома*, все они пронизаны идеей расового равенства и толерантности и наполнены идеей о совершенстве американского образа жизни.

Подобные функции выполняла и советская массовая культура. И именно этот ее потенциал востребован сегодня, как никогда. Возможность массовой культуры объединять людей различных социальных и культурных систем, акцентировать общее, а не особенное, утверждать ценности, универсальные по своей природе - все это говорит об *актуальности ее потенциала в современном обществе*. И государственная политика в области культуры должна быть направлена на формирование тех требований к массовой культуре и средствам массовой информации, которые формируют массовое сознание, задают нормы поведения, определяют ценности.

Таким образом, *массовая культура является сегодня, как и прежде, мощным идеологическим оружием и средством управления массовым сознанием*. Однако механизмы этого управления существенно изменились. Еще полвека назад массовая культура формировала политическое мировоззрение через *сведение политических идей к примитивным клише*, когда реальные факты или получали стереотипную трактовку (а несамостоятельное сознание целиком, без осмысления принимало их) или выступали в таком контексте, когда смысл сообщения искажается и нивелируется (основным правилом здесь становится *сентенция*, высказанная еще в конце XIX века Г. Лебоном: «...идеи не могут

оказывать влияния на поведение человека, пока они не переведены на язык эмоций» (Феофанов, 2003: 135).

В конце же XX века подобные прямолинейные методы утратили свою эффективность. Теперь в качестве ведущего стал выступать образный метод рефлексии, который характеризуется приоритетом визуального над словесным, подсознательного над сознательным и отказом от рационализма, дидактизма и осмысленности в культуре, от следования установленным формам. В рамках этой культуры приобретают огромное значение новые смысловые коннотации, заимствованные из повседневной жизни, а также мифологемы, коренящиеся в коллективном бессознательном и имеющие архетипическую природу. Это свидетельствует об изменении манипулятивных механизмов массовой культуры, *отказывающейся от прямолинейных технологий власти и замещающей их скрытыми, неявными, а «управление» - «соблазном» (Ж. Бодрийяр) или «машинами желаний» (Ж. Делез, Ф. Гваттари).*

В значительной степени эти изменения связаны с качественными изменениями, которые произошли в самой массе. Масса сегодня – это совокупность деперсонализированных индивидов, объединенных *не участием в той или иной деятельности, а общностью потребляемой продукции* - информации, развлечений, моды, имиджей, стереотипов, а также единством картины мира и системы ценностей. *Это «контролируемая масса», а не «управляемая масса».* Трансформация массы, ее атомизация, распыление, связанное с изменением форм социальной и трудовой активности, не приводит к автоматическому исчезновению массовой культуры. И в постиндустриальном, и в информационном обществе она продолжает существовать и функционирует даже более активно, чем это было возможно в индустриальную эпоху.

Действительно, массовая культура, в отличие от культуры высокой, направленной на превращение богатства совокупной человеческой истории во внутреннее достояние личности и являющейся условием развития его сущностных характеристик, ориентирована, прежде всего, на социализацию индивида, включение его в определенную среду и реализацию стратегий адаптации в их многообразных вариантах, связанных со степенью активности и с ориентацией на определенную деятельность личности или группы. Отсюда - ее простота, тривиальность, опора на общеизвестное, смысловая и эстетическая вторичность, апелляция к обыденному опыту, маскоподобный характер персонажей, обращение к архетипическим образам и представлениям, особая эстетическая система, отрицающая категории прекрасного и возвышенного, но опирающаяся на категории сверхъестественного, ужасного, трогательного, безобразного, отсюда – и ее настроенность на самовоспроизводство, цитирование, сериальность, вариативность, самоотждественность, инфинитивность, где социально значимая информация бесконечно репродуцируется в сходных между собой вариантах, настойчиво доводя до сознания потребителей те принципы, на которых основывается данное общество. Причем, эта информация носит как абсолютно конкретный характер, связанный с демонстрацией массовой культурой моды, сти-

ля, сленга, татуажа, макияжа и всех тех элементов самопрезентации, которые создают разные по масштабу культурные пространства с четко обозначенными границами, так и информацией самого общего значения, касающегося принципов социального устройства и трактовки таких принципиальных моментов бытия, выступающих в качестве культурных универсалий, как представление о пространстве и времени, добре и зле, жизни и смерти, долге и совести.

Подобная «двойственная» природа массовой культуры связана с тем, что она выступает лишь в качестве формы, наполняемой произвольным содержанием в зависимости от того, кто является ее заказчиком. Если рассматривать продукцию массовой культуры (к примеру, кинопродукцию) только как коммерческий проект, она будет наполнена содержанием поверхностным, рассчитанным на бездумное развлечение, свободное от морали, на потребление, а не на формирование человека. Именно поэтому сегодня телеэфир заполнен сериалами, выступающими аналогом всех иных товаров на свободном рынке и служащими только контекстом рекламы. Но массовая культура может выступать и в ином качестве – в виде индустрии «субкультуры детства», средства образования, обеспечения досуга, средства рекреации, способа трансляции имиджей и стереотипов поведения. Это все необходимо современному человеку, который проходит социализацию, в значительной степени, через средства массовой коммуникации. Именно изменения в механизмах трансляции культурных ценностей, в механизмах социальной адаптации, социальной рекреации и социокультурной идентификации и привели к широкому распространению массовой культуры в современном обществе.

О необходимости использования механизмов массовой культуры в целях формирования национального единства говорится в статье Президента России В. Путина от 23.01 «Россия: национальный вопрос»: «Соответствующие требования должна задавать и государственная политика в области культуры. Имеются в виду такие инструменты, как телевидение, кино, Интернет, массовая культура в целом, которые формируют общественное сознание, задают поведенческие образцы и нормы. Вспомним, как американцы с помощью Голливуда формировали сознание нескольких поколений. Причем внедряя не худшие – и с точки зрения национальных интересов, и с точки зрения общественной морали – ценности[...]. Государство обязано и имеет право и свои усилия, и свои ресурсы направлять на решение осознанных социальных, общественных задач. В том числе и на формирование мировоззрения, скрепляющего нацию» (Путин, 2012).

Таким образом, массовая культура выступает в качестве уникального по своей эффективности приспособительного, адаптационного механизма, компенсирующего субъекту городской, маргинальной культуры с нарушенными каналами коммуникации и межпоколенческой трансляции, отсутствие традиции. Позволяя прожить различные психологические состояния, массовая культура формирует состояние адаптированности индивида к социальной реальности, реализуя, таким образом, одну из ведущих своих функций. В условиях

все возрастающей специализации знания и усложнения его знаковых кодов многие из областей высокой, элитарной культуры (художественной, научной, философской и т.п.) остаются недоступными для большинства людей, *их основы в упрощенном варианте формулирует массовая культура*, обладающая особой системой средств смысловой адаптации.

Данная способность массовой культуры осуществлять связь между обыденным и специализированным знанием, возможно, стала на рубеже XIX-XX вв. одной из причин ее появления. Массовая культура, по существу, стала той знаковой системой, которая была равно доступна всем членам общества вне зависимости от социального статуса и степени включенности в профессиональную систему знания, и смогла осуществлять ту циркуляцию смыслов и значений, которая составляет основу общественного единства и стабильности.

Значение массовой культуры в современном обществе резко возрастает. Это связано, в частности, с тем, что современное цивилизационное развитие отмечено целым рядом противоречий, носящих подчас антагонистичный характер. Они проявляются в обострении проблем общепланетарного масштаба - в резком ухудшении экологической ситуации, увеличении количества экологических катастроф и разрушении пространства природы; в обострившейся демографической ситуации, связанной с гиперурбанизацией, существенной неравномерностью плотности населения и массовой миграцией, обостряющей конфликтность в наиболее благополучных регионах; в опасности возникновения новых болезней, вызванных генными мутациями вирусов; в активизации международной преступности и терроризма. Подобные конфликтные отношения в мировом сообществе во многом обусловлены усилением взаимосвязанности мира, что приводит к обострению отношений между более и менее информационно развитыми общественными системами, между этническими и национальными культурами, между национальными государствами и международными политическими и экономическими организациями, отстаивающими автономные интересы.

В границах современной культуры и изменившегося под влиянием глобализационных процессов мира приобретает особое звучание проблема коммуникации и понимания. Сегодня становится очевидным, что принципы взаимодействия, выработанные культурой модерна, перестают выступать как универсальные, что необходимый запас прочности общественного и культурного развития связан, в большой степени, с разнообразием культур, инновационный потенциал которых может быть востребован в любой момент как способный противостоять разрушительным тенденциям, что диалог, основанный на понимании – это единственная приемлемая основа современного культурного и цивилизационного равновесия.

Конечно, трактовка понимания как фактора межкультурного взаимодействия и - в целом - как условия существования современного мира требует определенного обоснования. Здесь понимание трактуется в соответствии с теми установками современной (неклассической и постклассической) философии и

науки, которые, по существу, обобщают версии понимания, сложившиеся в европейской философской и социальной мысли. В классической концепции понимания (Шлейермахер) оно представало как процесс раскрытия смысла, предзаданного в тексте, и средство преодоления культурной дистанции, причем, преодоления, достигаемого в интуиции и внутреннем сопереживании (Дильтей). Благодаря неокантианству (Виндельбанд, Риккерт) понимание оказалось связанным с процессом отнесения к ценностям как особой методологической процедурой, атрибутивной «наукам о культуре». Однако ограниченность трактовки ценностей как априорно данных трансцендентальных сущностей, образующих «третий мир», не позволяла рассматривать их в качестве универсального метода анализа исторической реальности. Культурную опосредованность ценностей доказал М. Вебер, который считал, что только «актуальное понимание», основанное на повседневном опыте и практической жизни, на построении логических конструкций социального действия, позволяет обнаружить различные связи между компонентами конкретной социальной структуры и логику подобных связей. Впервые понимание из подобных рамок вывел М. Хайдеггер, акцентировавший изначальную «герменевтичность» человеческого существования, где человек выступает как «понимающее бытие», а имманентная ему способность понимания – как предшествующая любым процессам образования, «приписывания» значений.

В рамках современной эпистемологии и методологии все обозначенные версии понимания синтезируются, а само понимание начинает трактоваться предельно широко, обозначая, в первую очередь, способность субъекта понимать текст культуры, выражать собственное к нему отношение через поведенческую активность – то есть, действовать в соответствии с социокультурным контекстом. Здесь онтологический и интерпретационный уровни понимания отчасти снимаются, коммуникативный же и диалоговый его аспекты становятся как никогда ранее актуальными. При этом понимание трактуется не как процесс раскрытия, обнаружения смысла, а как процесс его образования в конкретных деятельностно-коммуникативных ситуациях. Таким образом, основной задачей субъекта становится не распознавание смысловых коннотаций, а их формирование в соответствии с конкретной ситуацией.

Такая трактовка понимания в современной теории обусловлена, прежде всего, изменившейся социокультурной реальностью и методологией ее научного и философского осмысления. Современность требует осознания того факта, что сегодня единственным возможным вариантом социокультурной коммуникации выступает тот, который направлен на признание многообразия как факта культурно-исторического развития (от субкультур до цивилизаций) и права на подобное многообразие. Иначе говоря, ведущим вектором современного взаимодействия становится ориентация на установление понимания, которое выступает выражением психологической, теоретической, философской, идеологической и т.п. открытости мышления, отказа от догматических конструкций и

свидетельством способности осмысливать ситуации коммуницирования и действовать в соответствии с ними.

В границах подобной интерпретации данного понятия становится возможной трактовка в качестве одного из механизмов реализации процедур понимания в современном мире такого типа культуры, как массовая культура. В рамках одной социокультурной системы она организует информационный обмен между социальными и культурными общественными группами, в границах глобального пространства – между культурными и цивилизационными мирами.

Конечно, здесь речь идет не об обмене артефактами, феноменами, произведениями, которые, благодаря информационной открытости мира, беспрепятственно пересекают любые, в том числе, цивилизационные, границы, но об обмене картинами мира, системами представлений и ценностей, образцами поведения. Ясно, что представитель «Фаустовской цивилизации», потребляющий артефакты японского, советского, индийского масскульта, потребляет и ценности определенного мира, которые стоят за поверхностной формой. Однако понимать массовую культуру как механизм обмена этими ценностями – значит, существенно снижать ее социокультурное значение. Главная ее функция состоит в создании тех каналов коммуникации, по которым циркулирует социально значимая для общества в целом информация. Массовая культура осуществляет определенное взаимодействие между высокой и специализированной культурами, где последняя имитирует некоторые особенности массовой культуры – ее игровой характер, плюральность, новую эстетику, ориентированную на тиражирование (У. Эко), симуляционный характер, неподлинность (Ж. Бодрийар).

Наряду с этой вертикальной циркуляцией, массовая культура налаживает и горизонтальные связи в обществе, включая в общее коммуникативное пространство различные субкультурные общности, а в масштабе мировой культуры – различные культурные миры. Именно способность этой культуры апеллировать к общезначимому, общепринятому в социальном и этическом смысле, исходить из того, что способно объединять людей различных социальных и культурных систем, акцентировать общее, а не особенное, утверждать ценности, универсальные по своей природе¹, и организовывать мощное движение, втягивая в собственную сферу смыслы и значения, накопленные культурами как предшествующими, так и современными – все это позволяет рассматривать массовую культуру как культуру, принципиально коммуникативную по своей природе и способную налаживать взаимосвязь в обществе между всеми его социальными субъектами и акторами.

¹ Говоря об общезначимых ценностях, автор, конечно, осознает относительность подобной универсальности, где в границах различных культурных миров могут принципиально различаться даже представления о базовых понятиях – таких, как жизнь и смерть. Однако эти различия не носят абсолютного характера и выступают, скорее, как исключение, чем, как правило. Данное обстоятельство и позволило в рамках данной статьи пренебречь подобными отклонениями как не влияющими на ее общие положения.

Список литературы:

- Костина, А.В. (2009) Национальная культура – этническая культура – Массовая культура: «Баланс интересов» в современном обществе. М.
- Путин, В.В. (2012) «Россия: национальный вопрос» // Независимая газета, 2012, 23.01. URL: www.mak-prof.com/blog
- Феофанов, О.А. (2003) США: реклама и общество. М., 2003

Костина Анна Владимировна – доктор философских наук, доктор культурологии, доцент, декан факультета философии, культуры и искусства, заведующий кафедрой философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета.

Kostina Anna Vladimirovna – Doctor of Science (Philosophy, Cultural Studies), Associate Professor, Dean of Philosophy, Culture and Art Faculty, Head of the Philosophy, Cultural Studies and Political Science Department of Moscow University for the Humanities.

Удовлетворенность культурой¹

Кожаринова А.Р.

Satisfaction with culture

Kozharinova A.R.

Аннотация: В статье анализируются положительно окрашенная эмоция «удовольствия», испытываемая индивидами при потреблении текстов массовой культуры.

Ключевые слова: массовая культура, эмоции, удовольствие, повседневность.

Abstract: In article are analyzed positively painted emotion of «pleasure», tested by individuals at consumption of texts of mass culture.

Keywords: mass culture, emotions, pleasure, daily occurrence.

В 1930 году был опубликован трактат З. Фрейда «Неудовлетворенность культурой», в котором основатель психоанализа делает неутешительные выводы о невозможности примирения культурного и природного начала в человеке. З. Фрейд отмечает, что цель жизни человека задана принципом удовольствия и выделяет две стороны стремления к счастью: «с одной стороны, отсутствие боли и неудовольствия, с другой - переживание сильного чувства удовольствия. В узком смысле слова под «счастьем» понимается только последнее» (Фрейд, 2001: 43). Психоаналитик выдвигает идею, которую сам называет «паразитической». Большую часть вины за невозможность достижения счастья во всей его полноте, З. Фрейд возлагает на культуру: «мы были бы несравнимо счастливее, если бы от нее отказались и вернулись к первобытности» (Фрейд, 2001: Там же). Культура налагает запреты на спонтанные психические реакции, эротические импульсы, что приводит к обостряющимся конфликтам между культурой и бессознательным человека. Приобщение к культуре, по З. Фрейду, вызывает дискомфортные чувства вины и страха, лишает свободы. В психоаналитическом контексте инкультурация рассматривается в негативном аспекте, а именно как лишение человека возможности переживания эгоистических удовольствий. Вариантами стратегий, способствующих преодолению жизненных страданий, могут становиться отвлечения, перенаправляющие желания человека в другие сферы деятельности, бегство в иллюзии, а также всевозможные заменители удовлетворения, от «религиозного пыла» до ухода в искусство. Инертному большинству свойственно выбирать паллиативные стратегии, одной из которых становится погружение в массовую культуру, приводящее, конечно, не к счастью, но к его иллюзии. Переживание удовольствий посредством потребления массовой культуры, быть может, не имеет для большинства желательной степени интенсивности, зато обеспечивает предсказуемость и регулярность испытываемых эмоций. И массы жертвуют

¹ Печатается при поддержке гранта РГНФ № 12-03-00-330А

интенсивностью в пользу долгосрочной стабильности. Задачей данного раздела является анализ положительно окрашенной эмоции «удовольствия», испытываемой индивидами при потреблении массовой культуры.

В 1970-1980-е годы появились культурологические теории медиа, сосредотачивающие свое внимание не на инструментальных целях участников коммуникации (информирование, развлечение, политическая или коммерческая манипуляция), а на повседневных ритуалах, с помощью которых люди структурируют и интерпретируют свой опыт. Основателем культурологического взгляда на массовую коммуникацию стал Дж. Кэрри, анализировавший, главным образом, такие составляющие масскульты как: «участие, ассоциация, членство и разделение общих верований» (Carty, 1975: 1-22). Построенную на основе его работ модель коммуникации назвали «экспрессивной» (реже «эмотивной» или «ритуальной»). Эта модель характеризуется как передающая чувства, переживания, опирающаяся на эмоциональную сферу и использующая такие художественно-эстетические средства воздействия на реципиента как перформативность, латентная и амбивалентная символичность, апеллирование к совместному прошлому, краткость речевых конструкций, образная лексика, актерское мастерство и т.п.

Вообще эмоции – это субъективные реакции человека на воздействие внутренних и внешних раздражителей, проявляющиеся в виде удовольствия или неудовольствия, радости, страха и т.д. Американский специалист в области эмоций К.Э. Изард определяет эмоции как «нечто, переживаемое как чувство, которое мотивирует, организует и направляет восприятие, мышление и действие» (Изард, 2007: 27). Согласно такому деятельностному подходу эмоции являются основной мотивационной системой индивида, а менее важными системами, необходимыми для функционирования личности и социального взаимодействия, являются перцептивная, когнитивная и моторная. Вместе с тем только гармоничное функционирование этих четырех систем формирует основу нормального человеческого поведения. Итак, формирование эмоций человека — важнейшее условие развития его как личности. Посредством переживания эмоций индивид приобретает групповой и индивидуальный опыт и реальные мотивы для совершения необходимых действий. Эмоции придают смысл человеческому существованию и побуждают к действию. Психологи отмечают, что опосредованное переживание эмоций, а именно так переживаются эмоции при потреблении текстов массовой культуры, чрезвычайно заманчиво и комфортно для индивида: можно отождествить себя с героем фильма, совершающим невероятные в окружающей действительности поступки, испытать страх, не находясь при этом в ситуации реальной угрозы, примерить на себя забавную ситуацию, в которую попал другой. Этот окольный путь избавляет от рисков и, тем не менее, оставляет эмоциональный след. С. Жижек описывает ощущения опосредованного переживания эмоций как состояние «наслаждения посредством Другого»: «когда Другой смеется вместо меня, я могу спокойно отдохнуть; когда Другого приносят в жертву вместо меня, я могу продолжать жить с созна-

нием того, что я расплатился за мою вину и т.д.» (Жижек, 2005: 14-15). Подобная интерпассивность исключительно комфортна для освобожденного от ответственности индивида: «Можно действительно страдать посредством репортажей о насилии и массовых убийствах в Боснии и спокойно делать академическую карьеру» (Жижек, 2005: Там же).

Для внедрения в эмоциональную сферу своих потребителей массовая культура должна обратиться к их повседневному опыту. Здесь уместно вспомнить о концепции повседневности М. де Серто, в которой делается акцент на повторяющимся и бессознательном в повседневных практиках. Повседневная жизнь индивида рассматривается этим философом под углом умения извлечь удовольствие из того, что предлагается индивиду правящими инстанциями. Будни индивида, как отмечает М. де Серто, представляют собой пространство борьбы «стратегии» и «тактики» социальных агентов структур власти. Стратегия изобретается и конституируется общественными институтами и структурами власти, а тактика придумывается и используется непосредственно индивидом под влиянием его подсознательного желания создать эмоционально удовлетворительное личностное пространство в поле действия властных стратегий. К концепции повседневности М. де Серто обращается Дж. Фиске и применяет ее к исследованию феномена массовой культуры, потребление которой давно вошло в повседневные практики большинства. Дж. Фиске выделяет два типа популярных удовольствий, получаемых индивидом от потребления массовой культуры. Первый тип – специфические смыслопроизводящие удовольствия для ума, сконцентрированные главным образом на формировании социальной идентичности. Дж. Фиске определяет специфику удовольствий такого типа следующим образом: «...рутинные жизни требуют рутинных удовольствий». (Fiske, 1989: 65). Рутинность смыслопроизводящих удовольствий видит в том, что они концентрируются на сиюминутном, а не на вечном, требуют постоянного возобновления, в чем Дж. Фиске видит параллель между потреблением масскульта и выполнением домашней работы. В частности, работа домохозяйек происходит под мимолетный просмотр мыльных опер или ток-шоу, а поездки на работу сопровождаются чтением или слушанием медиа. Таким образом, внедренная в повседневную жизнь своих потребителей массовая культура структурирует время массовой части общества, подчиняя ее, тем самым, своему контролю. Второй тип удовольствий – эвазионистские удовольствия для тела, носящие, с точки зрения общества, характер скандала и нарушения. К ним можно отнести порно- и эротическую продукцию, которая, несмотря на продолжающуюся легитимизацию сексуального, носит характер аморальности и осуждается консервативным большинством. В потреблении различных версий сексуального дискурса потребитель массовой культуры получает удовольствие от удовлетворения своих тайных вкусов и сексуальных желаний. Эвазионистские удовольствия, по Дж. Фиске, сродни удовольствию зрителей карнавального действия, поскольку они, во-первых, уравнивают социальные иерархии и статусы, а, во-вторых, апеллируя к телесному низу, доставляют радость бездей-

ственного наблюдения. От себя добавим, что есть еще одна причина привлекательности получения удовольствий для тела посредством медиа. Она заключается в неуязвимости и безопасности испытывающего их индивида, что в ситуации распространения СПИДа и прочих инфекций придает медиаудовольствиям статус идеологии. Последствия удовлетворения эвазионистских удовольствий через медиа амбивалентны, ведь в процессе их получения индивидуальность индивидов совмещается с их социальностью. Сексуальные практики действительно сегодня вводятся в тексты массовой культуры как дисциплинирующие и эстетизирующие повседневность, следовательно, и эта сторона жизни масс, благодаря функционированию масскульта, перестает быть независимой от контроля власти.

Как представляется, к анализу удовлетворенности масс от потребления масскульта близко подошел Р. Барт в своей работе «Удовольствие от текста», хотя и ставил в этом исследовании совершенно иные цели и задачи. Невозможно не отметить, что Р. Барт разделял понятия «текста» и «произведения». Под «текстом» философ понимал нечто особенное, воображаемое, проявляющееся только в процессе осуществления методологических операций по его прочтению. «Текст» не поддается освоению массовой культурой, не способной к утонченным интеллектуальным играм. Массы в силах осуществлять лишь прочтение «произведения», наделяя его при этом потребительской стоимостью, что, собственно, является для них мерилom ценности этого культурного продукта.

В частности, как и Дж. Фиске, Р. Барт подчеркивает связь между удовольствием и повторением: «повторение само может быть источником наслаждения. Тому есть множество этнографических примеров: навязчивые ритмы, оккультные мелодии, литании, ритуалы, нембутсу у буддистов и т. п.; от нескончаемого повторения мы доходим до самозабвения, как бы прикасаемся к нулевой степени означаемого» (Барт, 1989: 495). Р. Барт акцентирует эротический характер повторения, настаивая на том, что свою эротичность оно приобретает сугубо в доведенном до крайности формализованном и буквальном варианте. Такому примитивному откровенному повторению Р. Барт отводит место на периферии культуры, где и «прозябает», по Р. Барту, феномен масскульта. «Повторение, стыдящееся самого себя, — такова массовая культура в ее выродившейся форме: повторяют содержание, идеологические схемы, способы затушевывания противоречий; зато беспрестанно варьируют внешние формы: ни на минуту не прекращается выпуск новых книг, передач, кинофильмов, без передышки обновляется текущая хроника, смысл же при этом никак не меняется» (Барт, 1989: 496). Действительно, язык массовой культуры является языком перепевов и повторений, он постоянно воспроизводит одни те же смыслы и структуры, что дает возможность рассматривать язык масскульта как энкратический (возникающий и распространяющийся под защитой власти).

Интересна в контексте наших рассуждений и бартовская типология получающих удовольствие читателей, которую, как нам представляется, можно

расширить и использовать, к тому же, в качестве типологии получающих удовольствие смотрящих и слушающих. Настраивая нас на ее описание, Р. Барт подчеркивает асоциальность предлагаемой типологии, «ибо удовольствие не принадлежит ни произведенному продукту, ни самому процессу производства», и настаивает на ее психоаналитичности, «устанавливающей связь между читательским неврозом и галлюцинаторной формой текста» (Барт, 1989: 515).

Итак, Р. Барт выделяет следующие типы читателей, получающих удовольствие от текста, которым мы попытались найти соответствие среди получающих удовольствие от потребления произведений массовой культуры:

— Фетишисты, приобретающие удовольствие от отдельных структурных элементов расчлененного на цитаты, отдельные слова и формулы текста (здесь и далее под «текстом» будем понимать «произведения»). Действительно, всем хорошо знакомы знатоки, комментирующие повседневные практики крылатыми выражениями из кинофильмов, непревзойденные рассказчики анекдотов, любительницы цитирования причесок, одежды, манер поведения знаменитых киноактрис и т.п.

— «Одержимые навязчивыми состояниями» киноманы, эстеты, семотики и лингвисты, вождедеющие к многослойности, языковым играм, надстроенным над текстом метаязыком. Именно этот, в некоторой степени «элитаризованный» тип потребителя массовой культуры, экспоненциально распространяется в информационном обществе, что является фактором, актуализирующим трансляционную функцию массовой культуры.

— Параноики, интересующиеся замысловатыми сюжетами, мудреными рассуждениями и хитроумными конструкциями, к которым можно отнести любителей детективных жанров, фантастики, фэнтэзи, онтологического кино. Параноики не воспринимают медиатексты всерьез, относясь к ним как к развлекательной интеллектуальной игре с хитроумными правилами.

— Истерики, погруженные в текст как в реальность и теряющие собственную субъектность, способность к критическому прочтению. Истерический тип потребителей, как правило, является целевой аудиторией сериальной продукции или всевозможных ток-шоу, поскольку все перипетии судьбы героев подобных текстов массовой культуры он принимает за чистую монету. Под гипнотическим воздействием массовой культуры истерик как бы утрачивает свободу воли, становится зависимым от медиа-образов, даже если отдает себе отчет в пагубности происходящего.

Чувственностью проникнуто и отношение массовой аудитории к своим кумирам, о чем писали многие исследователи психологии масс Г. Лебон, Г. Тард, З. Фрейд, Э. Канетти и другие. Специалист по психологии масс М.-Л. Рукетт выдвигает несколько вариантов объяснения феномена восхищенного отношения масс к своим вожакам, вызывающего желание подражать им (Рукетт, 2010: 147-148): расчет, повинование, дереликция, асимилиция и афиляция.

Расчет является самой заурядной причиной, особенно в случае, если расчетливая угодливость исходит из наивного, но рассудочного желания получить

любого рода выгоду от восхищения кумиром (как то его благосклонность, по-такание окружающим, испытывающим эмоции по отношению к этому кумиру, в молодежной среде - завоевание симпатий соратников по субкультуре или армии фанатов и т.п).

Повиновение - умышленное подражание кумиру, основанное на искреннем восхищении его превосходством в любого рода добродетелях. Парадоксальность повиновения заключается в том, что, с одной стороны, оно канонизирует поведение масс, с другой стороны, проистекает из индивидуального решения отдельного человека выделиться из общепринятого.

Дереликция (в психологии – состояние заброшенности и нравственного одиночества), вызывающая необходимость подражать кому-либо в связи с отсутствием другой доступной для подражания модели, что спровоцировано острым дефицитом удовлетворения потребности в общении.

Ассимиляция, заключающаяся в желании восхищаться популярным героем с целью использования его престижа в глазах окружающих, опираясь на сходство с ним. Ассимиляция, к примеру, может быть вызвана желанием отождествления себя с общепризнанными идеалами красоты, «иконами стиля».

Афиляция – подражание кумиру, вызванное тем, что ему уже кто-то подражает, что вызывает взаимное социальное опознавание и способствует собственной афиляции с какой-либо группой.

Итак, для внедрения в эмоциональную сферу своих потребителей массовая культура должна обратиться к их повседневному опыту, ведь именно в нем происходит отбор тех культурных продуктов индустрии культуры, которые войдут в их жизнь, станут частью мировоззрения. «Популярные тексты могут гарантировать свою популярность, только становясь гостеприимным пространством...» (Fiske, 1989: 5) для массовой аудитории. На рынке культурной продукции массами будет выбран тот товар, который способен доставлять удовольствие. Задачей производителей и распространителей продукции масскульты становится удовлетворение самых сокровенных желаний масс, при том, что эти желания она сама же и формирует.

Список литературы

- Барт, Р. (1989) Избранные работы. Семиотика. М. : Прогресс.
Жижек, С. (2005) Интерпассивность. Желание: влечение. Мультикультурализм. СПб. : Алетейя.
Изард, К.Э. (2007) Психология эмоций. СПб. : Питер.
Рукетт, М.-Л. (2010) Познание масс. Очерки политической психологии. М. : Канон+.
Фрейд, З. (2001) Недовольство культурой //Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. М. : Ренессанс. С. 65-134.
Carty, J. (1975) A cultural approach to communication / Communication. № 2. P. 1-22.
Fiske, J. (1989) Understanding Popular Culture. Boston. Unwin Hyman. P. 65.

Кожаринова Анна Ростиславовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета.

Kozharinova Anna Rostislavovna – Candidate of Science (philosophy), associate professor of the Philosophy, Cultural Studies and Political Science Department of Moscow University for the Humanities.

**Представление молодежи о социальных проблемах:
парадигма конструкционизма¹**

Баранова В.А.

**Representation of young people about social problems:
constructionist paradigm**

Baranova V.A.

Аннотация: В статье рассматриваются подходы к изучению социальных проблем, а также представлены результаты эмпирического исследования содержательного пространства социальных проблем, как категорий конструирования социального мира социальной группой.

Ключевые слова: социальные проблемы, конструкционизм, социальная группа, молодежь.

Abstract: This paper examines the approaches to the study of social problems, as well as the results of an empirical study of meaningful space of social problems, as categories of construction of the social world of social group.

Keywords: social problems, constructionism, social group, young people.

Социальные проблемы как объект научного исследования достаточно востребованы в гуманитарных науках. С середины XIX века они изучаются в качестве явлений социальной несправедливости в обществе: нищеты, бедности, болезни, голода, безработицы т.д. Большую традицию исследования данная проблематика имеет в социологии, где выделяются условно две исследовательские традиции к изучению социальных проблем: «объективистскую» и «субъективистскую». Спецификой объективистского подхода, опирающегося на идеи Э.Дюркгейма, является понимание социальных проблем как объективно существующих условий, нежелательных, неправильных, с точки зрения социально здорового, нормального общества, независимо от того, осознаются эти условия как проблема индивидами, которых она касается, или нет. Субъективистская традиция исходит из идей М.Вебера и ставит акцент на том, «как» идентифицируется социальная проблема как таковая в общественном сознании (Симонова, Электр. ресурс).

Объективистская традиция изучения социальных проблем была подвергнута в последней трети XX в. критике, которая, главным образом, отмечала, неспособность объективистского подхода к углубленному пониманию и объяснению процессов, связанных с возникновением и существованием социальных проблем. Преодоление этой неспособности, по мнению исследователей, воз-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда, проект 12-06-00731 «Переживание социальных проблем представителями различных социальных групп современного российского общества».

можно, если изучать социальные проблемы в рамках субъективистской традиции, а именно конструкционистского подхода, для которого незначимы объективные социальные условия как основы социальной проблемы. В этой исследовательской традиции (Блумер, Спектор, Китсьюз и др.) социальные проблемы являются результатом коллективного определения и « суть скорее проекции коллективных чувств, настроений, мнений, нежели простые отражения объективных условий в обществе» (Боск, Хилгартнер, 2008:73).

Социальные проблемы трактуются как конструкции, которые созданы индивидами или группами, выражающими недовольство относительно различных предполагаемых ситуаций и выдвигающими требования по их изменению и привлекающими внимание общественности к тем или иным предполагаемым условиям или ситуациям (Ясавеев, Электр. ресурс).

Конструкционизм в отличие от объективистской традиции, по другому принципу, через другие наборы вопросов исследует социальные проблемы. При объективистском подходе важными являются вопросы о масштабах конкретной социальной проблемы в обществе, социальных последствиях развития этого явления, причинах и факторах, способствующих его возникновению социальных функциях, способах преодоления. При конструкционистском подходе важным является выявление того, представляет ли конкретное явление социальную проблему, является ли оно предметом беспокойства и обсуждения, кто конструирует эту социальную проблему через определенные утверждения-требования; важен также сам процесс выдвижения утверждений-требований (риторики требовательного характера) и т.д. (Ясавеев, 2004). Содержанием риторики требовательного характера являются ответы респондентов при исследовании общественного мнения, письма с жалобами, протесты, судебные иски, выступления в парламенте, пресс-конференции, митинги и демонстрации, сообщения СМИ т.д.

Ч.Л.Боск, С.Хилгартнер, развивая конструкционистскую традицию, в своей концепции публичных арен определяют социальную проблему как «предполагаемое условие или предполагаемую ситуацию, на которое или которую «наклеивается ярлык» проблемы на аренах публичного дискурса и действия» (Боск, Хилгартнер, 2008:74). Ключевым понятием концепции является конкуренция: «предполагается, что общественное внимание, является дефицитным ресурсом, распределяемым посредством конкуренции в системе публичных арен» (Боск, Хилгартнер, 2008:с.74).

Необходимо отметить, что существует и интегративный подход среди социологов к исследованию социальных проблем. Так, например, Симонова Т.М., разрабатывая интегративный подход, считает, ««наиболее адекватным интегративной концепции определение социальных проблем Е. Рубингтона и М. Вайнберга, где «социальная проблема - это предполагаемая ситуация, несовместимая с ценностями значительного числа индивидов, утверждающих, что необходимо действовать с целью ее изменения»».

Данное определение может быть адаптировано к любой из школ социологии социальных проблем. А также важно, что в нем «представлены основные признаки социальной проблемы: а) наличие ситуации, которую одни группы оценивают как проблему, а другие – нет; б) несоответствие ситуации существующим в обществе ценностям; в) люди, оценивающие ситуацию как проблему; г) призыв к изменению ситуации, к поиску решения обозначившейся социальной проблемы». (Симонова, Электр. ресурс).

В социальной психологии тематика социальных проблем может быть отнесена к исследованиям взаимоотношения человека и общества, а именно к познанию человеком социального мира. В процессе взаимоотношений у людей формируются образы социальных объектов и явлений. Процесс познания реального мира субъектом опосредован или в значительной мере определен средствами массовой информации, данными опросов, коммуникацией с другими людьми, что позволяет индивиду категоризировать какое-либо явление как социальную проблему, постоянно уточняя содержание этого понятия. Данные категории и составляют содержательное пространство социальных проблем индивида или социальной группы. Если какое-либо явление не категоризируется как социальная проблема, то оно находится за пределами этого содержательного пространства, т.е. за рамками публичного дискурса.

В социальной психологии существует ряд подходов, которые развивают идею конструирования мира субъектом через коммуникацию с другими, через общение, через язык.

По мнению П.Бергера и Т. Лукмана, человек сам конструирует свой мир через общение с другими людьми, а именно через язык, который «объективирует опыт, накопленный поколениями и разделяемый многими», происходит конструирование субъективной реальности». (Андреева, 2005:267) . Также, «язык реализует мир в двояком смысле слова: он постигает его и он его производит. Общение представляет собой актуализацию этой эффективности языка в ситуациях лицом-к-лицу индивидуального существования. В общении объективации языка становятся объектами индивидуального сознания» (Бергер, Лукман, 1995: 241).

Основу теории социальных представлений С. Московиси, также составляет конструирование социального мира через коммуникацию, т.к. представления основаны на коммуникации о ситуациях и явлениях, дискурсе, разговоре. Именно через разговоры и объяснения представления сначала социально разделяются, а только затем усваиваются людьми. Социальное представление, по Московиси, это «набор понятий, убеждений и объяснений, возникающих в повседневной жизни по ходу межличностных коммуникаций», а сам подход фокусируется на том, «как люди думают и создают свою разделяемую реальность, а также на содержании их мышления» (цит. по Емельянова: Электр.ресурс, Московиси, 1995) .

Стратегия познания социального мира человеком, предложенная в социальном конструкционизме К. Гергена, состоит в том, что человек «не просто

«фотографирует» наблюдаемые явления, но конструирует их, раскрывает их смысл, строит для себя их образы» (Андреева, 2008:46,). При этом процесс познания социального мира существует не внутри индивида, а в категориях социальных отношений, социальных ситуаций, в которых и происходит конструирование социального мира.(Gergen,1985). Важным является то, что осмысление социального мира является результатом совместной деятельности людей и происходит через значения слов, употребляемых для обозначения объектов в конкретной социальной ситуации. Поэтому «любое объяснение этого мира может быть только соглашением» (Андреева, 2005:231).

В теориях дискурс-анализа, постулирующим, что дискурс формирует социальный мир, «дискурс» является основным понятием, который является особым способом понимания социального мира через значения в высказываниях людей. Возможность осуществления индивидами и группами совместных действий предполагает наличие разделяемого всеми понимания, разделяемой всеми системы значений. «Дискурс - это рассуждение по поводу какой-либо проблемы, обсуждение её...это все формы «разговора» или «письма», т.е. использование любого текста, устного или письменного »...«важная составляющая процесса коммуникации между людьми» (Андреева, 2005:179). В ходе обсуждения уточняются интерпретации тех или иных понятий, используемых для описания объектов социального мира. При познании социального мира включение дискурса в процесс обсуждения содержания категорий, которыми описывается мир, и которые выражены при помощи языка, имеет огромное значение, т.к. именно в ходе «разговора» это содержание уточняется, наполняется одинаково воспринимаемым содержанием. Дискурс, таким, образом, является путем «не только к пониманию друг друга и всего мира в целом, но и совместное выработка образа социального окружения, конструирования социального мира» (Андреева, 2005:180).

Важным для дискурсивного направления является понятие «действия», т.к. коммуникация, высказывания должны привести к какому-либо действию, потому что обсуждаемая проблема является таким элементом социальной жизни, который «наполняется содержанием на основе дополнения её характеристиками, приводимыми разными участниками дискурса», конструируя мир, уточняя его образ и направляя некоторое действие внутри этого мира. (Андреева,2005:180).

Целью проведенного эмпирического исследования являлось изучение пространства социальных проблем, как категорий конструирования субъектом социального мира.

Исследование не предполагало гипотез, носило поисковый характер. Оно направлено на уточнение содержания социальных проблем, как категорий, которые включены в образ социального мира и определяют характер взаимоотношений человека и общества. Социальные проблемы изучаются в данном исследовании с точки зрения понимания и осмысления явлений социального мира группой студенческой молодежи через определение субъективных реальностей,

которые сконструированы человеком в процессе коммуникации и взаимодействия с другими людьми в современном обществе.

В проведенном исследовании принимали участие студенты 1- 4 - х курсов различных факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова (психологии, журналистики, философского, математического, политологии, социологического, филологического, ИСАА, юридического, исторического, экономического): всего 96 человек, возраст от 18 до 21года, девушек - 62 человек, юношей- 34. Респондентам был предложен один вопрос, на который они должны были дать ответ в свободной форме: «Какие социальные проблемы актуальны для вас на сегодняшний момент и являются предметом обсуждения с друзьями, родственниками, коллегами, соседями и т.д.» Такая форма вопроса позволяет получить реальные тексты, которые функционируют в реальных ситуациях коммуникации и изучать социальные проблемы как категорию общения – дискурса. Ответы респондентов представлены в разнообразной форме: перечисление, в форме эссе, диалога, анализа собственной жизни. Через анализ текстов был составлен рейтинг упоминаемых в ответах социальных проблем.

Таблица 1. Содержательное пространство социальных проблем

СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА	Количество ответов, в которых представлена данная проблема	девушки	Юноши	Рейтинг
Культурно-ценностный кризис	52	30 (58%)	22 (42%)	1
Бедность и низкий уровень жизни в стране	51	38 (75%)	13 (25%)	2
Общество, власть и политика	39	22 (56%)	17 (44%)	3
Межэтнические, этно-конфессиональные отношения	27	20 (74%)	7 (26%)	4
Социальная обществе адаптация в	20	11 (55%)	9 (45%)	5
Проблемы образования	19	12 (63%)	7 (37%)	6,5
Взаимоотношения между людьми	19	13 (68%)	6 (32%)	6,5
Наркотики, алкоголизм, преступность среди молодежи	18	9 (50%)	9 (50%)	8
Медицина и здравоохранение	11	10 91%	1 9%	9,5
Проблемы семьи	11	7 64%	4 36%	9,5
Россия в мире	9	3 33%	6 67%	11

Каждая проблема имела своё лексическое наполнение. К проблеме *культурно-ценностный кризис* отнесены, например, следующие утверждения: отсутствие общих ценностей, отсутствие национальной идеи, низкий уровень образованности общества, малограмотность людей, культурная и интеллектуальная деградация общества, падение нравственности, морали, этики, духовности, повышенная агрессивность и ненависть в обществе, разобщенность об-

щества, слабая гражданская позиция всех, пассивность, отсутствие собственного мнения, вымирание искусства, восхождение низкопробных культурных форм, преобладание потребительских ценностей.

Позиция *бедность и низкий уровень жизни* в стране наполнена следующими высказываниями: бедность, низкий уровень жизни, неэффективная социальная политика государства в сфере государственного и социального обеспечения, низкий уровень жизни пожилых людей, одиноких и ветеранов, жизнь в домах престарелых, дети-беспризорники, дети в сиротских домах России, закон о запрещении усыновления детей, забота государства о населении России, условия жизни людей, ЖКХ, невозможность купить квартиру, платное обучение, необходимость совмещать учебу и работу, нехватка денег, проблемы социального неравенства, расслоения общества, социальное неравенство, инвалиды и люди с ограниченными возможностями, рост цен.

Общество, власть и политика описаны следующими утверждениями: политическая ситуация в стране не даёт выбора, ложная демократия и отсутствие демократии, политически популизм, неэффективное государственное управление, неэффективные законы, отсутствие сильных лидеров в государственном управлении, низкое самосознание общества, состав власть имущих не меняется в течение нескольких лет, коррупция в обществе, коррупция во власти.

Межэтнические, этно-конфессиональные проблемы представлены следующим образом: нетерпимость, отсутствие толерантности, миграция, отношение к мигрантам, межэтнические конфликты, рост национализма, расизма, межрасовая дискриминация, неприятие разных религий в обществе.

К проблеме *социальная адаптация в обществе* относились утверждения: трудоустройство после университета, выбор места жительства после учебы, самореализация в обществе, становление в обществе и в профессии. *Проблемы образования* описываются респондентами через следующие утверждения: понижение общего уровня образования, многочисленные реформы, непонятные стандарты, низкая зарплата учителей, сильный разрыв между обычными школами и гимназиями.

Проблемы *взаимоотношения между людьми* представлена следующими утверждениями респондентов: одиночество, неумение общаться, увлеченность сайтами.

Проблема *употребления наркотиков, алкоголизма, преступности среди молодежи* получили однозначную трактовку в качестве бедствия, беды угрозы будущему угрозы России.

Медицина и здравоохранение представлено утверждениями о низком уровне медицины, не налаженной системе медицинской помощи, о неквалифицированных врачах, недоступности медицинской помощи.

Проблемы семьи выражены в утверждениях: однополые браки, гражданские браки, увеличение числа разводов.

Россия в мире представлена следующими высказываниями: Россия на мировой арене, будущее России в мире, отношение к России, внешняя политика России.

Таким образом, пространство социальных проблем студенческой молодежи, участвующей в данном исследовании может быть представлено следующим образом: наиболее активными темами обсуждения являются феномены, связанные с культурно-ценностным кризисом в стране и с бедностью и низким уровнем жизни в стране. Обсуждаемыми темами являются также политика, власть, общество и межэтнические отношения.

Именно эта проблематика является содержанием социальной реальности студенческой молодежи: в обществе отсутствуют общие культурные ценности, нет национальной идеи, наблюдается культурная и интеллектуальная деградация общества; это общество бедно не только духовно, но и материально - в нем много бедных, есть дети-беспризорники, очевидна нищета пожилых людей, в этом обществе присутствуют межэтнические конфликты, а толерантность отсутствует, очевиден рост национализма. Власть не справляется с этими проблемами: демократия отсутствует, государственное управление неэффективно, власть коррумпирована. Все остальные проблемы, составляя, тем не менее, картину дискурса, имеют значительно меньшую востребованность в разговорах и обсуждениях.

Проанализировав все ответы респондентов по признаку гендерных различий, отметим, что темы, обсуждаемые девушками в качестве социальных проблем, значительно более разнообразны и более детально представлены в ответах, чем у юношей. Определенные темы, встречающиеся в обсуждении респондентов-девушек, например, проблемы экологии, бездомных животных, детской беспризорности у юношей не представлены. По отдельным позициям, очевидно, что проблемы бедности, низкого уровня жизни, социального неравенства, в большей степени входят в содержательное пространство социальных проблем девушек, чем юношей. (75% и 25% ответов соответственно). Это же относится к проблемам, относящихся к межэтническим, отношениям (74% и 26%), образованию (63%, 37%), взаимоотношению между людьми (68%, 32%), медицине и здравоохранению (91% и 9%) а также, связанных с семьей (64%, 36%). Юноши в своих коммуникациях отдают предпочтение более глобальным проблемам - Россия в мире -(33%, 67%). Выявленные на уровне тенденций различия могут быть проинтерпретированы с классических позиций, подтвержденных в многочисленных исследованиях: для мужчин более важно исследовать и изменять окружающий мир, для женщин более важными потребностными сферами являются межличностные отношения, мужчинам присуща объективность и глобальность при восприятии мира, для женщин характерна субъективность, впечатлительность, конкретность.

Процесс познания социального мира предполагает дальнейшие действия в нем, направленную активность. Действия респондентов учитывались, если в их ответах присутствовали какие-либо упоминания о действиях или поступках,

которые были, присутствуют в настоящее время или могут быть осуществлены в будущем. Стратегии изменения ситуации были обозначены у 11% респондентов - только в этих анкетах содержались характеристики действий, так или иначе связанные с решением заявляемых проблем. Принимая во внимание, что только 11 человек обозначили свои действия по изменению ситуации, то можно в целом говорить об отсутствии конкретных личных действий или готовности к ним у большинства опрошенных студентов. Поведение в социуме этой группы в связи с социальными проблемами может быть охарактеризовано как пассивное.

В заключение необходимо подчеркнуть, что пространство социальных проблем студенческой молодежи, участвующей в данном исследовании, определяет коммуникация по темам культурно-ценностного кризиса в обществе, бедности и низкого уровня жизни в стране, неэффективной политики и власти, а также межэтнических отношений. При этом можно констатировать отсутствие готовности к активным действиям у большинства опрошенных студентов.

Список литературы:

- Андреева, Г.М.(2008) Социальная психология, М.: Аспект Пресс
- Андреева, Г.М. (2005) Психология социального познания, М.: Аспект Пресс
- Бергер, П., Лукман, Т.(1995) Социальное конструирование реальности. М.: Медиум
- Боск, Ч.Л., Хилганер, С.(2008) Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Социологические исследования, № 2, с 73-94.
- Емельянова, Т. (2001) Социальное представление-понятие и концепция: итоги последнего десятилетия. [Электр. ресурс] // <http://rudocs.exdat.com/docs/index-88794.html>) (дата обращения 20.09.2013)
- Московичи, С. (1995) Социальное представление: исторический взгляд // Психологический журнал. Т. 16. № 1. С. 3-18.
- Симонова, Т.М. (2010) Социологическое исследование социальных проблем: интегративный подход // Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук, 2011. [Электр. ресурс] // http://dibase.ru/article/29112010_simonovtm/4 (дата обращения 20.10.2012)
- Ясавеев И.Г. (2004) Конструкционистский подход к социальным проблемам // Журнал исследований социальной политики. Т.2. №4. С. 533-546
- Ясавеев, И.Г. (2010) Социальные проблемы и медиа. Конструкционистское прочтение. [Электр.ресурс] // http://old.kpfu.ru/f13/bin_files/yasaveyev-socialproblemsandmedia!63.pdf. (дата обращения 2.10.2013)
- Gergen K.J. (1985) The social constructionist movement in modern psychology // American psychologist, № 40. P. 266-275.

Баранова Виктория Анатольевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова.

Baranova Victoria Anatolyevna – Candidate of Science (Psychology), a senior researcher at the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University.

Системный подход к нравственному оздоровлению общества

Белогурова В.А.

Systematic approach to the moral improvement of society

Belogurova V.A.

Аннотация: В статье изложены основные научно обоснованные методические рекомендации для системного подхода к нравственному оздоровлению общества.

Ключевые слова: Нравственное воспитание, здоровый образ жизни, система, общая задача, воспитатель, совесть.

Abstract: This article describes the main evidence-based guidelines for a systematic approach to the moral improvement of society.

Keywords: Moral education, healthy lifestyles, the system, the overall goal, the tutor, the conscience.

«В современной России, особенно в среде педагогов, все более отчетливо осознается, что глубинные первопричины социально-экономических проблем и катастрофического ухудшения здоровья нации находятся не столько в экономике, сколько в области духовно-нравственного воспитания, деградации духовно-нравственных ценностей и идеалов у значительной части населения и особенно молодежи, а также в низкой духовно-нравственной культуре самого педагога. Бездуховность, грубость, эгоизм, половая распущенность, алкоголизм, наркомания, преступность – вот что ежедневно, ежечасно разрушает нашу жизнь, калечит психическое и физическое здоровье нашей нации. (Седунова, 2004: 133)

Сегодня борьба с наркоманией, алкоголизмом и токсикоманией одна из важнейших проблем цивилизованного общества. Особенно беспокоит стремление молодежи к пагубным привычкам. Для борьбы с этим злом используются разные методы: запретительные, поощрительные, просветительные. Их достоинство нельзя умалять, но проблему они не решают, потому что не воздействуют на причину, на корень зла.

Большая роль здесь отводится медицинским работникам, профессиональной обязанностью которых является санитарно-просветительная работа. Все медицинские работники, в том числе и медицинские сестры, *обучают и воспитывают* своих пациентов, студентов-практикантов и молодых специалистов. Кроме того, есть категория медицинских работников, для которых преподавательская деятельность в медицинских училищах и колледжах является основной работой. Они обучают и воспитывают молодое поколение медицинских сестер, фельдшеров. Поэтому для проведения воспитательной работы, направленной на профилактику алкоголизма и наркомании нужна специальная методика. Каждый медицинский работник должен осмыслить весь путь человека к

пагубным привычкам и понять причину. Почему здоровый человек стремится к употреблению наркотиков: сначала курение, затем алкоголь, наркотические и токсические вещества?

Всегда ли нездоровая потребность в курении и приеме алкоголя (и уж тем более наркотиков) возникает как результат стрессовой ситуации или сложных жизненных проблем? Увы! Особенно в молодом возрасте это часто выглядит как баловство, шалость, боязнь выглядеть несовременным человеком, а потом хочется повторить и незаметно он попадает в зависимость, а чем дальше, тем хуже.

Можно ли избавить таких людей от вредных привычек? Можно. Есть такие методы, и они эффективны. Но почему многие алкоголики и наркоманы вновь возвращаются в тот нереальный мир ощущений? Потому что они после лечения снова не удовлетворены жизнью, снова у них неприятности и масса неразрешимых проблем. Как же помочь таким людям и уберечь подрастающее поколение от пагубного действия наркотиков?

Воспитатель должен исходить из того, что каждый человек хочет быть физически здоровым, иметь душевный покой, всегда иметь хорошее настроение, чувствовать себя счастливым. В зависимости от ситуации необходимо ответить вопрос: *что для этого нужно?* Второй вопрос: *что реально достижимо, что нереально и почему?* Здесь целесообразно научить человека на неразрешимую ситуацию (или проблему) посмотреть иначе, например, как сторонний наблюдатель или убедить себя, что можно без чего-то обойтись или от чего-то спокойно отказаться. Если ситуация может быть разрешима, то какие возможны варианты решений и каковы могут быть последствия этих решений. Надо спокойно и терпеливо приучать воспитанников к мудрым принципам восприятия жизненных проблем:

- 1) вмешиваться в ситуации, где вы можете что-то изменить;
- 2) не вмешиваться в ситуации, где вы ничего не можете изменить;
- 3) отличать первое от второго.

Каждый человек очень болезненно переживает унижение его достоинства. Страх при мысли, что тебя не любят, ты никому не нужен или еще хуже – от тебя только несчастье, естественно, вновь и вновь толкают человека в нереальный мир ощущений от приема одурманивающих веществ. Поэтому необходима очень терпеливая работа, чтобы поднять его с колен, чтобы он ощутил себя полноценным, достойным человеком. *Но этого он должен захотеть сам.* Принудительные меры, как показывает опыт, мало эффективны.

Любимые преподаватели, интересные занятия в учебном заведении, творчество, коллективная работа на благо других – все это приносит удовлетворение, радость, счастье и, следовательно, в значительной мере препятствует желанию искусственно поднимать свое настроение. Просветительные, поощрительные и запретительные меры при этом тоже должны использоваться, но как дополнительные, а не основные.

Общество страдает системным заболеванием. Значит, и лечить его следует системно. Под системой в данном случае надо понимать совокупность компонентов, взаимосвязанное функционирование которых направлено на решение общей для них задачи (Белогурова, 2010: 194). *Общая задача* – формирование культурного, духовно-нравственного, образованного гражданина России. *Компоненты* – государственные образовательные учреждения (дошкольные, школы, училища, колледжи, вузы), где работают специалисты (педагоги и психологи) и потому процессом можно управлять и компоненты, сложные для управления – это семья, средства массовой информации (СМИ), окружающая среда.

Семья, родители обучающихся первыми начинают воспитание и обучение своих детей. Родители не имеют специального педагогического образования и потому их действия не всегда правильны и дают желаемый результат. Необходимо организовать для них ликбез по педагогике. Это можно сделать на базе школ, по телевидению, по Интернету. А далее этот ликбез должен быть на занятиях в школе, училище, вузе для всех обучающихся – будущих родителей по специально разработанным и научно обоснованным обучающим программам, ориентированным на *конкретный результат*.

СМИ – с одной стороны выполняют важную часть просветительской работы, но чрезмерный показ по телевидению «боевиков», сцен насилия с применением огнестрельного оружия, сцен непристойного поведения – все это возбуждает негативные чувства, рождает нехорошие мысли и желания, агрессию и никак не способствует духовно-нравственному воспитанию человека, особенно молодого. От работников СМИ часто можно услышать возмущение по поводу тех или иных ограничений, мол, нет демократии, свободы слова и т.п. Поэтому стоит объяснить всем, что *демократия – это не вседозволенность*, а свобода слова требует *ответственности* за последствия этих слов. Можно привести много примеров, когда СМИ давали информацию о побеге заключенных со всеми подробностями, как женщина-водитель сорвала щит с антисемитским текстом и при этом пострадала и др. Вскоре эти действия были повторены многократно. Возникает вопрос, что же такую информацию не надо освещать в новостях? Нет, почему же? Надо, только без деталей, без подробностей, которые похожи на обучающую методику. Нужно думать о последствиях такой информации и нести за это ответственность.

С чего начать решение *общей задачи* для системных мер по оздоровлению общества?

1. Четко сформулировать сами понятия – культурный, образованный и духовно-нравственный; добиться понимания и грамотного использования их в жизни.

2. Исходя из *общей*, определить *конкретные* задачи каждого компонента системы, каждой части от единого целого, помня при этом, что любое изменение в одном компоненте автоматически влияет на работу других компонентов. Это закон системы.

3. Определить *средства для решения* этих конкретных задач (технологии, формы и методы обучения и воспитания).

4. Подобрать *средства контроля* решения задач по каждому компоненту.

Формально все это делается и есть какой-то результат. Но почему же ученые бьют тревогу? Что у нас не так, как надо? Видимо, у нас, прежде всего, не до конца отработаны *общие правила* нашего бытия. В результате мы постоянно сталкиваемся с противоречиями, несправедливыми решениями чиновников и правоохранительных органов. О чем идет речь?

1. Надо обществу четко объяснить, что в демократическом государстве власть принадлежит народу – он добровольно выбирает от себя представителей власти сверху донизу. Эта власть обязана навести порядок в государстве и поддерживать его всеми средствами, разрешенными законодательством. Перечень таких средств надо определить и изложить письменно, чтобы каждый их знал и руководствовался ими в своей жизнедеятельности.

2. Права человека должны соблюдать все, но для этого их тоже надо знать. Следовательно, права эти нужно тоже четко изложить и сделать доступными для каждого члена общества.

3. Есть права и льготы для ветеранов войны и труда, для пенсионеров, инвалидов. С ними соответствующие граждане знакомы.

4. Но есть права и льготы для чиновников, особенно для депутатов всех уровней. Здесь не все благополучно. Кто знает, сколько им платит государство за их труд? Мало кто знает точно, но что это несоизмеримо даже с зарплатой профессора – знают все. Почему? Объясняют, что на такую работу при низкой зарплате никто не пойдет. Более того, чем меньше зарплата, тем больше он будет брать взятки. С этим трудно согласиться. Скорее наоборот. Взятки чиновник будет брать соразмерно своей зарплате, меньше – какой смысл?

У государства масса проблем. На их решение нужны средства. Кто определяет нашу зарплату, пусть попытается дать ей разумное обоснование, но по совести: почему ведущий научный сотрудник НИИ с ученой степенью кандидата наук получает 10000 руб, а чиновники и депутаты – сколько??? Почему депутатам при этом позволяют не присутствовать на заседаниях Думы, а голосовать за них другим депутатам? Это же вопиющее нарушение трудовой дисциплины. И это видят все на экранах телевизоров. Трудовое законодательство едино для всех, но здесь много нарушений и их надо устранять. А льготы им за какие заслуги? Машины, квартиры, «мигалки» и т.д. Если это юридически правомерно, значит, наши законы безнравственны и в этом *корень зла*. Не устранив эту несправедливость, все остальные действия будут выглядеть как суета, видимость преобразований. Положительных результатов не будет.

5. Наше многострадальное образование. На протяжении более 30-ти лет чиновники постоянно делают научно необоснованные нововведения и не доводят их до конца, так как без научной основы все это не работает и результат все хуже и хуже. Так ли это? На каком основании автор делает подобное заключение? Все очень просто. В основе заключительного контроля используются те-

стовые задания на *узнавание* правильных ответов. Это же самый низкий уровень знаний, а специалистам необходимо *уметь решать профессиональные задачи*. При собеседовании вместо полноценных ситуационных задач используются пародии на эти задачи, когда на фоне примитивной ситуации (например, в аналитическую лабораторию поступило лекарственное вещество с формулой такой-то – вот и вся ситуация), а далее – идут вопросы на пересказ информации учебника об этом веществе.. А все потому, что в государственных образовательных стандартах (ГОС) нет четко сформулированных требований к результатам обучения. Эти требования в новых ГОС еще более размыты в понятиях «компетенции». Так что улучшения качества подготовки специалистов в ближайшие годы не будет, тем более, что повсеместное ЕГЭ целиком основано на тестовых заданиях с *угадыванием* ответов, а кое-кто становится на путь мошенничества и государство не в силах этому помешать. Но *главная беда* не столько в ЕГЭ (это формальный акт), сколько *в том, что обучение и текущий контроль должны быть ориентированы на ЕГЭ*. Результаты легко прогнозировать.

Но «неправильно понимаемое и неправильно устроенное образование ведет к неправильному устройству общества и несправедливому миропорядку. И это вполне естественно. Люди действуют так, как и что они мыслят. Безусловно, образование должно дать человеку профессию, специальность, знания, навыки, умения, компетенции, позволяющие ему осуществлять тот или иной вид деятельности, производить вещи, продукты и машины. Но самое главное, что достигается с помощью образования и для чего оно предназначено, – изобретение человека, строение человека, его ума и души, образа мышления и добродетелей, которые он совершает и которым он обучается, чтобы заработать себе на хлеб насущный, одежду и крышу над головой, до устройства порядка в стране и государстве, жителем и гражданином которых он является, до понимания, как устроен звездный мир и Вселенная». (Ильинский, 2011: 7).

б. Здравоохранение тоже имеет массу проблем. В новом Законе «Об образовании в Российской Федерации» и в Федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС) отмечена необходимость здорового образа жизни (ЗОЖ). Это правильно, так как *ЗОЖ является условием для нравственного воспитания личности*.

Следует помнить, что в нормах, правилах и требованиях морали отражаются те нравственные отношения, которые должны определять поведение личности в различных сферах жизни. Чтобы осуществлять нравственное воспитание, необходимо знать содержание тех отношений, на основе которых происходит формирование соответствующих личностных качеств. Это содержание, в частности включает в себя:

- отношение к политике государства, к родине, другим странам и народам (гражданственность, патриотизм, уважение к другим народам и странам);

- отношение к труду (трудолюбие, добросовестный труд на общее и личное благо, дисциплина труда);

- отношение к общественному достоянию, материальным ценностям и природе (бережливость, забота о сохранении общественного достояния и личных вещей, экологическая культура);

- отношение к людям (демократизм, коллективизм, гуманность, культура общения, товарищество, взаимное уважение друг к другу и т. д.);

- отношение к себе (честность, правдивость, скромность в общественной и личной жизни, принципиальность, нетерпимость к нарушениям общественного порядка и т. д.).

Формирование нравственных отношений и моральных качеств, как и воспитание личностных качеств вообще включает в себя:

- анализ и критическую оценку нравственной воспитанности учащихся, формирование у них потребности в ее развитии и совершенствовании; самоконтроль – неперемное условие роста личности, а трезвая оценка духовного состояния – первый шаг к росту духовности;

- морально-гностическую деятельность по осмыслению сущности формируемых качеств и способов их проявления;

- формирование соответствующих навыков и привычек поведения;

- развитие способности к проявлению волевых усилий, помогающих преодолевать возникающие трудности и препятствия при соблюдении норм и правил морали.

Моральный облик учащегося проявляется в поступках при их сопоставлении, совершаемых в различных областях деятельности. *Нравственный уровень людей выявляется и определяется, прежде всего, их отношением к делу: взрослого – к труду, студента и школьника – к учебе.*

Моральные качества отчетливо проявляются в совести личности. *Совесть – это нравственная самооценка человеком своих поступков.* Об этом сказано много мудрых слов, например: «Высший суд – суд совести» (В. Гюго). «Совесть – это правильный суд доброго человека» (Аристотель).

Спокойная совесть, угрызения совести возникают у человека при сравнении своих поступков с принятыми им нравственными принципами и нормами поведения. «Всегда будь воли своей хозяином, совести же своей – рабом» (М. Эбнер-Эшенбах). Не следует забывать также, что «в чужой монастырь со своим уставом не ходят» и «человеческой натуре свойственно обвинять кого угодно, только не себя» (Д. Карнеги), в то время как во всем мы виноваты сами. «Возлюби ближнего своего, как самого себя», – учит Христос. Как самого себя, значит, отправная точка – «мы сами», и начинать надо с самих себя. Пока мы не научимся любить себя, не сможем любить кого-либо вообще. Только научившись любить себя, мы узнаем, как любить других. *Бессовестный человек* знает нравственные нормы общества, в котором он живет, считает их правильными, но только для других, а не для себя, и потому не испытывает угрызений совести при самооценке своих поступков, противоречащих известным ему нравственным нормам. В отличие от бессовестного, *безнравственный человек* не считает эти нормы обязательными – ни для себя, ни для других.

«Что посеешь, то и пожнешь» – гласит народная мудрость. Как, сея рис, пожинаешь рис, так, сея добро, пожинаешь добро, сея зло – пожинаешь зло. Надо помнить об этом всегда.

В последнее время руководители государства все больше внимания уделяют социальной сфере. Это правильно. Повышаются пенсии, выплаты отдельным категориям лиц, обеспечиваются льготными путевками пенсионеры, ветераны; вместо лекарств предложена денежная компенсация и др. Однако все это похоже на симптоматическое лечение болезни, а не больного или выдача пойманных рыбок вместо того, чтобы научить, как ловить их самому человеку.

За рубежом во многих странах люди давно поняли, что быть здоровым *выгодно и приятно*. Их к этому приучили комплексом мер, системой продуманных мероприятий, которые дают положительный эффект и человеку и государству. Это и поощрительные выплаты тем, кто не болеет, и борьба с вредными привычками, и соответствующая пропаганда здорового образа жизни через средства массовой информации. Следуя их примеру, и у нас «лед тронулся». В продаже появилось много научно-популярной литературы о способах оздоровления организма нетрадиционными методами. Она пользуется большим спросом. Книги расходятся тиражами в сотни тысяч экземпляров. В течение 6-ти лет очень популярной была телевизионная передача «Малахов +», где речь шла не только о рекомендациях по оздоровлению, но заслушивались мнения высококвалифицированных врачей – специалистов в узких областях медицины. Недавно была и другая передача: «Ты то, что ты ешь». Все это, естественно имеет положительное воздействие на телезрителей.

Однако велика сила привычек, вредных – в том числе. Люди не привыкли нести ответственность за свое здоровье и здоровье своих близких. Многие считают, что быть внимательным к своему здоровью, любить себя чем-то ненужным и неудобным перед другими людьми. В безвыходной ситуации, при возникших заболеваниях они рассчитывают на помощь врачей, на быстрый эффект химиотерапии, совсем не думая о последствиях.

Вредные привычки надо ломать. Для медицинских работников это сильная задача, но прежде им надо самим избавиться от этих привычек. А здесь может помочь учебно-воспитательный процесс. *Нужно менять учебные программы обучения и воспитания медицинских работников на всех уровнях их подготовки.* Не на словах, а на деле *надо задать медицине профилактическую направленность.* С малых лет надо человека приучать к тому, что *здоровье – самое дорогое, что есть у человека. Здоровье нельзя купить, но его можно заработать.* На всех уровнях надо пропагандировать *культ здоровья* и радость творческого труда, радость здоровой жизни.

Для этого нужна *система мер*, когда каждый ее компонент работает на решение *общей задачи* – на оздоровление нации. В качестве таких мер могут быть следующие.

На всех этапах обучения (в том числе и в общеобразовательных школах) в соответствии с *компетентностным подходом*, независимо от специальности и уровня профессионального обучения нужно в учебные программы ввести формирование *общей компетенции* – «готовность вести здоровый образ жизни». Для этого каждому обучаемому надо ознакомиться с литературой по здоровому образу жизни, проанализировать свои отклонения в здоровье, проконсультироваться с врачом и составить план оздоровительных мероприятий, например:

- настроить себя только на позитивные мысли и действия;
- взять на себя ответственность за свое здоровье;
- отказаться от вредных привычек (медицинским работникам – в первую очередь);
- проводить чистку организма от шлаков (кишечник, печень, почки, кровеносные сосуды, ткани организма);
- использовать раздельное питание (не употреблять одновременно несовместимые продукты – белки и углеводы, жидкости принимать за 30-40 минут до или через 2 часа после приема пищи);
- ежедневно делать физзарядку не менее часа (для мышц, суставов, позвоночника, глаз);
- принимать контрастный душ, ходить в баню, обливаться холодной водой;
- полезно соблюдать посты и постные дни недели (ограничения чистят не только тело, но и душу);
- для взрослых один раз в неделю проводить голодание (24 или 36 часов) для очищения тела от шлаков (на клеточном уровне) и очищения души.

Все это следует проводить при постоянной консультации врачей, чтобы не принести вред своему здоровью. Отсюда следует, что врачи должны быть готовы для таких консультаций. Здесь для них тоже много нового. Они должны стать наглядным примером здорового человека. Их слова, обращенные к пациентам, не должны расходиться с делом. Таким образом, обязанностью врачей должно быть не только *лечение* больных, но в равной мере их *оздоровление, профилактика* возникновения патологий, *пропаганда здорового образа жизни и личный пример*.

Оздоровление души и тела возможно при наличии *государственных мер*, создающих условия, при которых *болеть невыгодно, а оздоравливать себя доступно и интересно*. Пенсионерам и малоимущим надо помочь. Дать им возможность по льготной стоимости регулярно посещать баню, спортивные комплексы, может быть, специально для них созданные; вовлекать их при этом в полноценную, активную, интересную жизнь. Устраивать соревнования в достижении успехов и поощрять победителей, проводить конференции, обмен опытом с использованием СМИ.

В качестве лечебных и профилактических средств в учебных программах медицинских учебных заведений необходимо *сделать акцент на средства*

народной медицины, на использование в качестве лекарств продуктов питания, не умаляя при этом достоинства и необходимости применения химиотерапии в конкретных случаях. Еще Гиппократ говорил о том, что «продукты питания должны быть лекарствами, а лекарства – продуктами питания». В этих словах заложен глубокий смысл.

При всем этом надо научить людей позитивно мыслить, уметь *общаться друг с другом* без злобы, зависти, раздражения и агрессии. Сцены насилия, заполонившие экраны телевизоров, конечно же, не способствуют этому. Наоборот, некоторые люди к ним привыкают, помимо своей воли раздражаются, становятся менее активными и впадают в депрессию, а другие становятся агрессивными, злобными и даже опасными для окружающих. В этой связи в учебные программы всех дисциплин медицинских учебных заведений необходимо внести еще одну общую компетенцию: «готовность общаться с людьми в коллективах». На занятиях же с медицинскими сестрами нужно уделить внимание вопросам психологии общения, но старшим и главным медицинским сестрам надо внимательно наблюдать за стилем общения обучающихся друг с другом, сопоставлять реальные взаимоотношения с требованиями педагогической, медицинской этики, деонтологии и субординации. При необходимости оказывать воспитательное воздействие.

Список литературы

- Белогурова, В.А. (2010) Научная организация учебного процесса: учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ГЭОТАР-Медиа.
- Ильинский, И.М. (2011) // Высшее образование для XXI века: VII Международная научная конференция. Москва. 18-20 ноября 2010 г.: Доклады и материалы Круглого стола «Негосударственные вузы в условиях изменяющейся России» / Под общ. ред. Ильинского И.М. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та.
- Седунова, Е.В. (2004) Профессиональное становление специалиста в вузе // Материалы межвузовской конференции / Под общей редакцией д.п.н. профессора В.А. Ситарова, д.п.н. профессора Т.В. Лодкиной. – Москва-Вологда. 2004.

Белогурова Валентина Андреевна – кандидат фармацевтических наук, доцент, ведущий научный сотрудник по проблемам научной организации учебного процесса Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова.

Belogurova Valentina Andreyevna – Candidate of Science (Pharmacology), Associate Professor, senior researcher on the scientific organization of the educational process of the First Moscow State Medical I.M. Sechenov University.

Предмет и объект договора товарного кредита
Агафонов И.С.
Loan agreement under the Russian pre-revolutionary laws
Agafonov I.S.

Аннотация: В статье рассмотрены наиболее дискуссионные вопросы науки гражданского права «предмет» и «объект договора» применительно к обязательству товарного кредита. Для цели обоснования выводов, используется материал судебной практики.

Ключевые слова: Предмет договора, объект договора, товарный кредит, вещи определенные родовыми признаками, судебная практика.

Annotation: This article discusses the most debatable questions of the civil law science: a «subject» and «object» as applied to the commodity loan contract. Case law material is used for the substantiation of the conclusions.

Key words: subject of a contract, object of a contract, commodity loan, goods defined by generic features, case law.

Основное требование, которое законодатель выдвигает для того, чтобы гражданско-правовой договор считался заключенным - это согласование сторонами сделки всех существенных условий. В качестве одного из них выступает предмет договора (ст. 432 ГК РФ). Но легальное определение данной юридической категории в гражданском законодательстве отсутствует. Ввиду этого возникают ряд разночтений в понимании предмета и объекта договора, как в юридической литературе, так и в правоприменительной практике. В данной статье предложено решение выделенной проблемы применительно к обязательству товарного кредита.

Существенным условием договора товарного кредита является его предмет (ст.822 ГК РФ). «Предметом договора товарного кредита являются вещи, определенные родовыми признаками, в том числе их количество, а не денежные средства». Отметим, что данный признак позволяет отделить товарный кредит от коммерческого кредита.

За основу дальнейших рассуждений возьмем точку зрения М.И. Брагинского. «Он справедливо отметил, что применительно к договорам относимым (по направленности результата) к категории гражданско-правовых договоров о передаче имущества, к каковым причисляются и договор займа (кредита), говоря о сложном предмете договора, включающем в себя два рода объектов: как действия обязанных сторон (юридический объект), так и подлежащие передаче имущество (материальный объект)» (Брагинский, 2006 :380).

Е. А. Суханов пишет: «Товарообмен предполагает вполне конкретные действия участников (по передаче имущества в собственность или в пользо-

вание, по производству работ, по оказанию услуг и т.д.), они и становятся предметом обязательства» (Суханов,2000:13).

Согласно ст.307 ГК РФ «в силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как-то: передать имущество, выполнить работу, уплатить деньги и т.п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности».

В результате сопоставлений приведенных точек зрения ученых и буквального толкования ст. 307 ГК РФ можно сделать вывод: с точки зрения общей теории права предметом договора товарного кредита (существенным условием), являются юридическая необходимость совершения кредитором действий по предоставлению вещей определенных родовыми признаками заемщику и действий заемщика по фактическому возврату имущества и уплаты процентов по товарному кредиту. При этом само имущество является объектом гражданских правоотношений. Вместе с тем, что если сторонами договора товарного кредита не определено, какое имущество передается заемщику на условиях возвратности, платности срочности (исходя из сущности заемного обязательства), то обязательство по договору товарного кредита согласно п.1 ст. 432 ГК РФ, не возникнет.

В российской юридической науке нет единой позиции среди ученых о понятии объектов гражданских правоотношений и их видов. Ю.К.Толстой писал, что «спор вокруг понимания объекта правоотношения не является праздным, ибо от его решения во многом зависит определение места правоотношения в ряду других общественных явлений и раскрытие его роли» (Толстой,1959:49). О. П. Московкина справедливо отметила, что «до принятия нового Гражданского кодекса РФ в законодательстве не давалось ни понятия «объектов гражданских прав», ни их видов. Видимо, поэтому в научных исследованиях не было единства мнения о понятии объекта гражданского правоотношения» (Московкина,2004:56).

В теории юридической науки при исследовании объекта гражданского правоотношения ученые основываются на определении объекта как философской категории, что составляет прекрасную методологическую основу для дальнейших системных исследований. «Объект, как философская категория, выражает то, что противостоит субъекту в его предметно - практической и познавательной деятельности» (Закорюкин,2006:129).

М.М. Агарков, исходя из общефилософского понятия объекта, указывал, что употребление термина «объект права» чаще всего основано на чисто словесном противопоставлении объекта субъекту: «Раз имеется субъект права, то должен быть и объект права, а потому необходимо всюду в правоотношениях, хотя бы посредством искусственных построений, наряду с субъектами искать и объекты» (Агарков, 2003:195). Исходя из приведенного высказывания, объект гражданского правоотношения -это то на что направлено поведение участников правоотношения.

О. П. Московкина справедливо считает, что «само по себе имущество не имеет какого-нибудь значения, если на него нельзя оказывать никого воздействия. Вещи сами по себе не могут вызвать те или иные изменения, способные удовлетворить интересы участников правоотношения. Только деятельность человека, направленная на блага, может вызвать нужные изменения» (Московкина, 2004:60).

Соглашаясь с общей направленностью мнения авторов, автор статьи считает, что объектом договора товарного кредита является, то имущество, которое передано займы кредитором заемщику. Ст. 822 ГК РФ гласит, что таким имуществом могут быть только вещи определенные родовыми признаками.

Следует отметить, что в действующем ГК РФ отсутствует определение вещей, определенных родовыми признаками. Законодатель использует термины, определение которых приведено в специальной литературе по гражданскому праву.

«В современной юридической литературе по поводу классификации вещей на признаки индивидуально определенные и определенные родовыми признаками отмечается, индивидуально определенные вещи отличаются конкретно, только им присущим характеристикам (например, дом 22 по улице Садовая; автомобиль такой то марки под конкретным номером и т.п.). Вещи, определенные родовыми признаками, характеризуются числом, весом, мерой и т.п., т.е. рассматриваются как известное количество вещей одного и того же рода (10 тонн стали определенной марки; пять грузовых автомобилей «Газель» и т.д.)» (Суханов, 2007:412). По мнению ряда ученых деление вещей по указанным признакам условно и субъективно, к индивидуальным определенным вещам могут быть отнесены в принципе любые вещи, так или иначе выделенные участниками сделки из массы однородных вещей. Ю.К. Толстой пишет: «Например, если приобретаемая покупателем вещь определена лишь количественно (числом, мерой или весом) и характеризуется признаками, общими для вещей данного рода, налицо родовая вещь. Например, если поверенный по договору поручения примет на себя обязанность приобрести для доверителя «какую-либо из картин И.К. Айвазовского», то объект сделки будет определен родовыми признаками, хотя каждая из картин И.К. Айвазовского сама по себе уникальна. Таким образом, указанное деление вещей достаточно условно и весьма подвижно» (Толстой, 1996: 177-178). Б. Л. Хаскельберг считает, что «классификация вещей на индивидуальные и родовые не связана с какими-то присущими самим вещам признаками, обуславливающими отнесение их к одной или другой группе. Участники гражданского оборота, вступая в обязательственные правоотношения, своими соглашениями сами определяют предмет обязательства как индивидуальный или родовой» (Хаскельберг, 2004:57-58).

Из приведенного выше можно сделать вывод: грань между индивидуально-определенными и родовыми вещами не является абсолютной и в лите-

ратуре по гражданскому праву не сформулированы четкие требования к объекту договора товарного кредита (займа).

Так как экономическая теория изучает поведение людей в процессе производства, обмена и потребления материальных благ и услуг в целях удовлетворения своих потребностей, то проведем исследования объекта договора товарного кредита с экономической и правовой точки зрения.

Можно утверждать, что объект любого договора (в том числе товарного кредита) с экономической точки зрения является благом.

Данная точка зрения автора статьи находит обоснование в юридической литературе. М.Н. Марченко пишет: «Под объектом правового отношения следует понимать те материальные и духовные блага, предоставлением и использованием которых удовлетворятся интересы управомоченной стороны правоотношения» (Марченко, 2005:713).

Из данного утверждения следует: объект договора с экономической точки зрения это вещь, имеющая предметную и материальную форму (материалы, продукты питания и т.д.), а так же услуги (информационные, транспортные и т.д.) способные удовлетворить определенные потребности потребителя в результате деятельности человека.

Определение объектов гражданских прав приведено законодателем в статье 128 Гражданского кодекса Российской Федерации. «В соответствии со статьей 128 ГК РФ к объектам гражданских прав относятся вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, иное имущество, в том числе безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права; результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага».

Из приведенного выше следует:

- определения объектов договора с экономической и правовой точки зрения совпадают;
- нормами права законодатель устанавливает правовые отношения по поводу владения, пользования и распоряжения объектами договора.

Исходя из субъектного состава участников договора товарного кредита и определения «фактора производства приведенного в литературе по экономической теории» (Сидорович, 1997: 44-46), можно сформулировать отличное свойство объекта договора товарного кредита с экономической точки зрения: объект договора товарного кредита является фактором производства (сырьевым ресурсом) и обладает хорошо изученным в экономической теории свойством «взаимозаменяемости».

В теории гражданского права установлено, что вещи определенные родовыми признаками определяются: числом, весом, мерой и т.п. (например: 10 тонн стали, часть урожая яблок и т.д.). Они являются факторами производства (сырьевыми ресурсами) и могут быть заменены в производственном процессе

на аналогичные вещи. Напротив, вещи индивидуально определенные не могут быть сырьевыми ресурсами.

Свойство заменимости вещей основано на сходстве качеств, делающих вещи полезными для человека и возможности получить при их использовании один и тот же результат. Для кредитора по договору товарного кредита не имеет существенного значения, какие именно однородные вещи он получит от заемщика, так как полученные вещи заменимы.

На заемщика, по договору товарного кредита возлагается обязанность возвратить не ту же самую вещь, которая была им позаимствована, а другую вещь, но того же рода и качества, для чего он к моменту наступления срока исполнения обязательства должен изыскать в обороте такое же количество вещей, чтобы передать их кредитору для исполнения договора товарного кредита.

Индивидуально – определенные вещи юридически незаменимы и их гибель освобождает обязанное лицо от передачи их управомоченному субъекту. Напротив, гибель родовых вещей, по общему правилу, не снимает с должника обязанности по их предоставлению, поскольку он не лишен возможности изыскать другие вещи такого же рода и качества. Различной будет и защита прав кредитора в случае предоставления ему индивидуально-определенной или родовой вещи (ст. 398 ГК РФ).

Отметим еще одно важное свойство вещей, определенных родовыми признаками: данные вещи движимые, так как они не могут быть связаны с землей. Совершение с ними сделок не требуют государственной регистрации.

К потребляемым относят вещи, которые в процессе их использования утрачивают свои потребительские качества. Потребляемые вещи могут участвовать в производственном процессе. Потребляемые вещи, передаваемые займы, с момента завладения ими заемщиком переходят в его собственность.

К непотребляемым относят вещи, которые при их использовании амортизируются постепенно, в течение сравнительно длительного времени, например, машины, оборудование, жилые дома.

Указанные выше естественные различия между вещами учитываются законодателем при определении различных видов гражданско - правовых договоров в действующем гражданском кодексе и в судебной практике. Судебная практика российских судов в случаях возникновения споров между участниками имущественного оборота в результате заключения договора товарного кредита идет по пути исследования существенных условий договоров. Как было отмечено ранее, предметом договора товарного кредита являются вещи, определенные родовыми признаками, то есть вещи, обладающие схожими свойствами, качеством и количеством (Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 3 марта 2003).

В заключении статьи отметим, что объектом договора товарного кредита, является вещь определенная родовыми признаками, заменимая, потребляемая, а так же движимая.

Список литературы

- Агарков, М.М. (2002) Избранные труды по гражданскому праву-М..2002.
- Брагинский, М.И., Витрянский, В.В.(2006) Договорное право: книга 5 в двух томах. Том 1: Договоры о займе. банковском кредите и факторинге. Договоры направленные на создание коллективных образований. М.: Статут.
- Гражданское право (2000): В 2т. Том 2. Полутом 1.:Учебник / Отв. ред. проф. Суханов Е. А. - 2-е изд., перераб. и доп.- М.: Издательство БЕК.
- Закорюкин, В.Б., Панченко, В.М. (2006) Теория информационных процессов и систем. М.:МИРЭА.2006.
- Марченко, М.Н. (2005) Теория государства и права-М: Зеркало.
- Московкина, О. П. (2004). Объект и предмет договора доверительного управления имуществом в гражданском праве Российской Федерации Дис. канд. юрид. наук. М.
- Сидорович, А.В. (1997) Курс экономической теории. Общие основы экономической теории, микроэкономика , макроэкономика , переходная экономика: Учебное пособие. М: ДИС.
- Суханов, Е.А. (2007) Гражданское право: Учебник .Том 1.Общая часть – М:Волтерс Клувер. 2007.
- Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 3 марта 2003 г.№ А.05-4863/02-256/3/ Справочная правовая система «Гарант».
- Толстой, Ю.К. (1959) К теории правоотношения. – Л.: изд.- ЛГУ.
- Хаскельберг, Б. Л., Ровный, В.В. (2004) Индивидуальное и родовое в гражданском праве. 2-е изд., перераб. и доп. М.:Статут.

Агафонов Игорь Сергеевич – соискатель кафедры Гражданского права процесса Московского университета МВД России.

Agafonov Igor Sergeevich – Applicant for the department Of Civil Right and process Of the Moscow University Of Ministry of Interior of Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Плотникова О.А.* Начало древнерусской словесности 4
Бородай А.Д. Творческая молодежь и КГБ: на пути к инакомыслию 21

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Костина А.В.* Социальные функции массовой культуры в современном обществе 27
Кожаринова А.Р. Удовлетворенность культурой 35

ПСИХОЛОГИЯ

- Баранова В.А.* Представление молодежи о социальных проблемах: парадигма конструкционизма 4

ПЕДАГОГИКА

- Белогурова В.А.* Системный подход к нравственному оздоровлению общества 51

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Агафонов И.С.* Предмет и объект договора товарного кредита 60

Правила представления рукописей авторами и требования к оформлению представлены на официальном сайте:

http://www.mosgu.ru/nauchnaya/nauch_trudy/

На сайте также представлены содержание всех выпусков/номеров и полный список публикаций в журнале «Научные труды Московского гуманитарного университета».